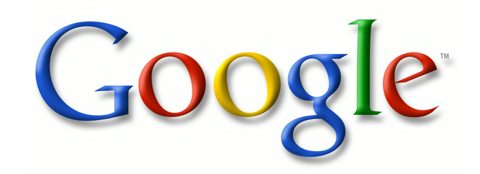
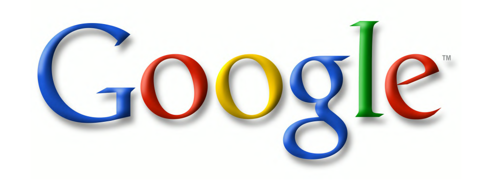

ЗАПИСКИ

И. И. ПУЩИНА

О ПУШКИНѢ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1907

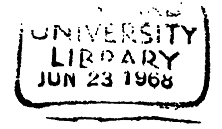
77

ЗАПИСКИ

И. И. ПУЩИНА

О ПУШКИНѢ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1907

Типографія „Сиріусъ“. Спб. Соляной пер., д. 7.

Записки И. И. Пущина были напечатаны впервые въ Атенеѣ 1859 г. но съ значительными пропусками, которые потомъ были указаны въ разныхъ изданіяхъ. Полный текстъ записокъ, былъ помѣщенъ Л. Н. Майковымъ въ его книгѣ «Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки» (Спб. 1899 г.), но при этомъ были опущены послѣднія страницы «Записокъ», (начиная со словъ: «Проходили годы; ничѣмъ отраднымъ не навѣвало въ нашу даль», см. стр. 67). Въ настоящемъ изданіи текстъ записокъ печатается по подлинной рукописи; вслѣдъ за записками помѣщены тѣ касающіеся Пушкина документы, которые И. И. Пущинъ самъ приложилъ къ своимъ запискамъ.

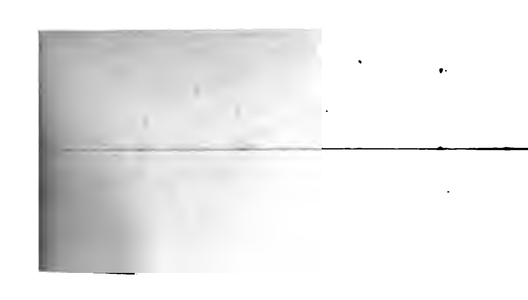
Передъ «Записками И. И. Пущина» напечатана

замѣтка о немъ Е. И. Якушкина, написанная въ 1881 г. при передачѣ въ Александровскій Лицей копіи записокъ Пущина. Вслѣдъ за записками помѣщена другая статья Е. И. Якушкина «Воспоминанье объ И. И. Пущинѣ» написанная въ 1899 г.

Портретъ И. И. Пущина исполненъ въ фототипіи Голике и Вильборга по фотографіи, снятой съ акварели, работы Н. А. Бестужева.

замѣтка о н
1881 г. при пе
записокъ Пущ
другая стать
И. И. Пущин
Портрет
піи Голике и
акварели, ро

И. И. Пущинъ въ своихъ запискахъ говоритъ о себѣ очень сдержанно и потому на основаніи ихъ нельзя составить себѣ яснаго понятія объ его лицѣ. Онъ очевидно имѣлъ очень большое вліяніе на Пушкина и его литературную дѣятельность въ началѣ 20-хъ годовъ, но, чтобы опредѣлить это вліяніе, необходимо ближе узнать характеръ и направленіе этого «перваго друга» Пушкина, какъ называлъ его самъ поэтъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Поэтому я считаю необходимымъ въ дополненіе къ запискамъ Пущина сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія объ ихъ авторѣ, человѣкѣ замѣчательномъ во многихъ отношеніяхъ.

Тотчасъ по выходѣ изъ лицея Пущинъ вступилъ въ тайное общество «Союзъ благоденствія» и сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ его членовъ. Его товарищи по ссылкѣ не разъ говорили мнѣ, что онъ и въ молодости отличался твердостью характера, искренностью либеральныхъ убѣжденій, которымъ онъ не измѣнилъ до самой смерти и полнымъ согласіемъ между мыслью, словомъ и дѣломъ.

Если Пущинъ и колебался принять Пушкина въ тайное общество, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что его бесѣды поддерживали въ поэтѣ тотъ образъ мыслей, который высказывался

въ его стихотвореніяхъ и готовилъ ему скорую ссылку. Такое же вліяніе должна была имѣть самая жизнь Пущина.

По выходѣ изъ лицея онъ поступилъ въ гвардейскую конную артиллерію, но недолго оставался въ военной службѣ. Однажды во дворцѣ на выходѣ В. К. Михаилъ Павловичъ рѣзко замѣтилъ ему, что у него не по формѣ завязанъ темлякъ на саблѣ. Пущинъ тотчасъ же подалъ прошеніе объ отставкѣ. Чтобы показать, что въ службѣ государству и народу нѣтъ обязанности, которую можно бы считать унизительной, Пущинъ хотѣлъ занять низшую полицейскую должность (квартальнаго надзирателя). Это возмутило его родныхъ, сестра на колѣняхъ убѣждала его отказаться отъ этого намѣренія. Онъ уступилъ ихъ просьбамъ и вмѣсто полицейской должности занялъ мѣсто судьи въ Уголовномъ Департаментѣ Московскаго Надворнаго Суда. Въ то время служба въ низшихъ судебныхъ мѣстахъ считалась многими унизительной. Въ нихъ также какъ и въ высшихъ, впрочемъ, царствовала продажность, и самостоятельность суда была больше на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ.

Въ своихъ запискахъ Пущинъ упоминаетъ о томъ, какъ удивлялись въ Москвѣ, что надворный судья танцуетъ на балѣ съ дочерью генералъ-губернатора, но онъ ни слова не говоритъ о своей судейской дѣятельности, между тѣмъ какъ въ свое время она надѣлала много шуму и удивляла гораздо болѣе, чѣмъ его присутствіе на генералъ-губернаторскомъ балѣ. Въ особенности обратило на себя вниманіе рѣшеніе надворнаго суда по дѣлу извѣстнаго композитора Алябьева, обвинявшагося въ убійствѣ. Сначала, чтобы замять это дѣло, потомъ, чтобы добиться оправдательнаго приговора, были пущены въ ходъ и

подкупъ и горячее вмѣшательство вліятельныхъ лицъ. Ни то ни другое не помогло. Доказательства убійства были несомнѣнны, и Пущинъ послѣ долгой, упорной борьбы настоялъ на обвинительномъ приговорѣ. На это рѣшеніе смотрѣли какъ на гражданскій подвигъ, и Пушкинъ безъ всякаго преувеличенія могъ сказать своему другу:

Ты освятилъ тобой избранный санъ
Ему въ глазахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтеніе гражданъ...

Получивъ извѣстіе о готовившемся въ Петербургѣ возстаніи, Пущинъ въ началѣ декабря 1825 года пріѣхалъ въ Петербургъ. 14 Декабря онъ былъ на сенатской площади. Судя по всѣмъ разсказамъ очевидцевъ объ этомъ днѣ, Пущинъ одинъ изъ немногихъ сохранилъ присутствіе духа *). Когда коннопіонерный эскадронъ, получившій приказаніе занять Англійскую набережную, пустился рысью между каре московскаго полка и Сенатомъ, солдаты, думая, что коннопіонеры идутъ въ атаку, открыли по нимъ огонь; офицеры, видѣвшіе, что это не атака, кричали солдатамъ, чтобы они перестали стрѣлять, но тѣ не прекращали огня, такъ какъ выстрѣлы заглушали отдаваемыя приказанія. Одинъ Пущинъ нашелся въ эту минуту. Онъ закричалъ барабанщику: «бей отбой»; барабанщикъ ударилъ отбой и стрѣльба прекратилась. Пущинъ оста-

*) За границей было напечатано описаніе 14-го Декабря, и какъ авторъ его указанъ Пущинъ. Описаніе это составлено не Пущинымъ, а И. Д. Якушкинымъ на основаніи разсказовъ лицъ бывшихъ на площади.

вилъ площадь одинъ изъ послѣднихъ; бывшій на немъ плащъ его дѣда, адмирала Пущина, былъ пробитъ во многихъ мѣстахъ картечью.

На другой день, 15 Декабря, къ Пущину пришелъ его лицейскій товарищъ кн. Горчаковъ, и принесъ ему заграничный паспортъ. Онъ умолялъ его ѣхать немедленно заграницу, обѣщаясь доставить его на иностранный корабль, готовый къ отплытію. Пущинъ не согласился, несмотря на горячія убѣжденія своего товарища. Онъ считалъ постыднымъ для себя избавиться бѣгствомъ отъ той участи, которая ожидала другихъ членовъ тайнаго общества. Онъ дѣйствовалъ между ними и хотѣлъ раздѣлить ихъ судьбу [1]).

Заключенный въ крѣпость онъ не видѣлъ никого изъ своихъ товарищей, — поэтому и въ донесеніи слѣдственной коммиссіи вовсе не приводится его показанія.

Ссылка Пущина и многихъ декабристовъ съ которыми Пушкинъ былъ близокъ, тяжело отозвалась на поэтѣ. Въ стихотвореніи «Аріонъ», написанномъ по нѣкоторымъ указаніямъ, въ воспоминаніе потери этихъ друзей—высказывается горькое чувство одиночества. Въ заключеніе я не могу не сказать нѣсколько словъ о Пущинѣ, какимъ я зналъ его въ ссылкѣ. Онъ поражалъ простотой своего обращенія, своимъ симпатическимъ характеромъ, искренностью и твердостью своихъ убѣжденій. Въ то время какъ у прочихъ декабристовъ [2]) болѣе или менѣе вы-

---

[1]) Разсказъ объ этомъ я слышалъ отъ самого Пущина.

[2]) Я говорю здѣсь только о членахъ сѣвернаго и южнаго союзовъ, а не о лицахъ принадлежавшихъ къ обществу соединенныхъ славянъ.

сказывались, если не аристократическія убѣжденія, то аристократическія привычки, онъ былъ демократомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Въ какое бы положеніе его не ставили обстоятельства, съ какими бы людьми его не сталкивала судьба, онъ былъ всегда вѣренъ самому себѣ и одинаковъ со всѣми. Во этомъ отношеніи ему удивляялились сами товарищи его по ссылкѣ.

Человѣкъ самыхъ противоположныхъ съ нимъ политическихъ убѣжденій не могъ бы отнестись къ нему безъ глубокаго уваженія и лицей по справедливости можетъ гордиться Пущинымъ.

Е. Я.

26 сентября 1881 г.

Е. И. Якушкину.

Какъ быть! Надобно приняться за старину. Отъ васъ, любезный другъ, молчкомъ не отдѣлаешься! И то уже совѣстно, что такъ долго откладывалось давнишнее обѣщаніе поговорить съ вами на бумагѣ объ Александрѣ Пушкинѣ, какъ, бывало, говаривали мы объ немъ при первыхъ нашихъ встрѣчахъ въ домѣ Бронникова. Прошу терпѣливо и снисходительно слушать немудрый мой разсказъ.

Собираясь теперь провѣрить былое съ нѣкоторою отчетливостью, я чувствую, что очень поспѣшно и опрометчиво поступилъ, истребивши въ Лицеѣ тогдашній мой дневникъ, который продолжалъ слишкомъ годъ. Тамъ нашлось бы многое, теперь отуманенное; всплыли бы нѣкоторыя завѣтныя мелочи,—печать того времени. Не знаю почему, тогда мнѣ вдругъ показалось, что нескромно вынимать изъ тайника сердца заревыя его трепетанія, волненія, заблужденія и вѣрованія. Теперь самому любопытно бы было взглянуть на себя тогдашняго, съ тогдашнею обстановкою; но дѣло кончено: тетради въ печкѣ и поправить бѣды не возможно.

Впрочемъ, вы не будете тутъ искать исторической точности;

прошу смотрѣть безъ излишней взыскательности на мои воспоминанія о человѣкѣ мнѣ близкомъ съ самаго нашего дѣтства: я гляжу на Пушкина не какъ литераторъ, а какъ другъ и товарищъ.

Невольнымъ образомъ въ этомъ разсказѣ замѣшивается и собственная моя личность; прошу не обращать на нее вниманія. Придется, можетъ быть, и объ Лицеѣ сказать словечко; вы это простите, какъ воспоминанія, до сихъ поръ живыя! Однимъ словомъ, все сдаю вамъ, какъ вылилось на бумагу.

1811 года, въ августѣ, числа рѣшительно не помню, дѣдъ мой адмиралъ Пущинъ повезъ меня и двоюроднаго моего брата Петра, тоже Пущина, къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія графу А. К. Разумовскому. Старикъ, слишкомъ 80-ти лѣтній, хотѣлъ непремѣнно самъ представить министру своихъ внучатъ, записанныхъ по его же просьбѣ въ число кандидатовъ Лицея, новаго заведенія, которое самымъ своимъ названіемъ поражало публику въ Россіи—не всѣ тогда имѣли понятіе о колоннадахъ и ротондахъ въ аѳинскихъ садахъ, гдѣ греческіе философы научно бесѣдовали съ своими учениками. Это замѣчаніе мое до того справедливо, что потомъ даже, въ 1817 году, когда послѣ выпуска мы шестеро, назначенные въ гвардію, были въ лицейскихъ мундирахъ на парадѣ гвардейскаго корпуса, подъѣзжаетъ къ намъ графъ Милорадовичъ, тогдашній корпусной командиръ, съ вопросомъ: что̀ мы за люди и какой это мундиръ? Услышавъ нашъ отвѣтъ, онъ нѣсколько задумался и потомъ очень важно сказалъ окружавшимъ его:

«Да, это не то, что Университетъ, не то, что Кадетскій Корпусъ, не Гимназія, не Семинарія—это... Лицей!»—Поклонился, повернулъ лошадь и ускакалъ.—Надо сознаться, что опредѣленіе очень забавно, хотя далеко неточно.

Дѣдушка нашъ Петръ Ивановичъ насилу взошелъ на лѣстницу, въ залѣ тотчасъ сѣлъ, а мы съ Петромъ стали по обѣ стороны возлѣ него, глядя на нашу братью, уже частью тутъ собранную. Знакомыхъ у насъ никого не было. Старикъ, не видя появленія министра, начиналъ сердиться. Подозвалъ дежурнаго чиновника и объявилъ ему, что андреевскому кавалеру неприходится ждать, что ему нуженъ Алексѣй Кириловичъ, а не туалетъ его.—Чиновникъ изчезъ, и тотчасъ старика нашего съ нами повели во внутреннія комнаты, гдѣ онъ насъ поручилъ благосклонному вниманію министра, разсыпавшагося между тѣмъ въ извиненіяхъ. Скоро нашъ адмиралъ отправился домой, а мы, подъ покровомъ дяди Рябинина, пріѣхавшаго смѣнить дѣда, остались въ залѣ, которая почти наполнилась вновь наѣхавшими нашими будущими однокашниками, съ ихъ провожатыми.

У меня разбѣжались глаза: кажется, я не былъ изъ застѣнчиваго десятка, но тутъ какъ-то потерялся — глядѣлъ на всѣхъ, и никого не видалъ. Вошелъ какой-то чиновникъ съ бумагой въ рукѣ и началъ выкликать по фамиліямъ.—Я слышу: Александръ Пушкинъ—выступаетъ живой мальчикъ, курчавый, быстроглазый, тоже нѣсколько сконфуженный. По сходству ли фамилій, или по чему другому, несознательно сближающему, только я его замѣтилъ съ перваго взгляду. Еще вглядывался въ Горчакова, который былъ тогда необыкновенно

миловиденъ. При этомъ передвиженіи мы всѣ нѣсколько приободрились; начали ходить въ ожиданіи представленія министру и начала экзамена. Не припомню, кто, только чуть ли не В. Л. Пушкинъ, привезшій Александра, подозвалъ меня и познакомилъ съ племянникомъ. Я узналъ отъ него, что онъ живетъ у дяди на Мойкѣ, недалеко отъ насъ. Мы положили часто видаться. Пушкинъ въ свою очередь познакомилъ меня съ Ломоносовымъ и Гурьевымъ.

Скоро начали вызывать насъ по одиночкѣ въ другую комнату, гдѣ въ присутствіи министра начался экзаменъ, послѣ котораго всѣ постепенно разъѣзжались. Все кончилось довольно поздно.

Черезъ нѣсколько дней Разумовскій пишетъ дѣдушкѣ, что оба его внука выдержали экзаменъ, но что изъ насъ двоихъ одинъ только можетъ быть принятъ въ Лицей на томъ основаніи, что правительство желаетъ, чтобъ большее число семействъ могло воспользоваться новымъ заведеніемъ. На волю дѣда отдавалось рѣшить, который изъ его внуковъ долженъ поступить.—Дѣдушка выбралъ меня, кажется, потому, что у батюшки моего, старшаго его сына, семейство было гораздо многочисленнѣе. Такимъ образомъ я сдѣлался товарищемъ Пушкина.—О его пріемѣ я узналъ при первой встрѣчѣ у директора нашего В. Ф. Малиновскаго, куда насъ неоднократно собирали сначала для снятія мѣрки, потомъ для примѣриванія платья, бѣлья, ботфортъ, сапогъ, шляпъ и пр. На этихъ свиданіяхъ мы всѣ больше или меньше ознакомились. Сынъ директора Иванъ тутъ уже былъ для насъ чѣмъ-то въ родѣ хозяина.

Между тѣмъ, когда я достовѣрно узналъ, что и Пушкинъ

вступаетъ въ Лицей, то на другой же день отправился къ нему, какъ къ ближайшему сосѣду. Съ этой поры установилась и постепенно росла наша дружба, основанная на чувствѣ какой-то безотчетной симпатіи. Родные мои тогда жили на дачѣ, а я только туда ѣздилъ; бо̀льшую же часть времени проводилъ въ городѣ, гдѣ у профессора Лоди занимался разными предметами, чтобы не даромъ пропадало время до вступленія моего въ иЛцей. При всякой возможности я отыскивалъ Пушкина, иногда съ нимъ гулялъ въ Лѣтнемъ саду; эти свиданія вошли въ обычай, такъ что если нѣсколько дней меня не видать, Василій Львовичъ, бывало, мнѣ пеняетъ: онъ тоже привыкъ ко мнѣ, полюбилъ меня. Часто, въ его отсутствіе, мы оставались съ Анной Николаевной. Она подъ часъ насъ, птенцовъ, приголубливала; случалось, что и прибранитъ, когда мы надоѣдали ей нашими ранновременными шутками. Именно замѣчательно, что она строго наблюдала, чтобъ наши ласки не переходили границъ, хотя и любила съ нами побалагурить и пошалить, а про насъ и говорить нечего: мы просто наслаждались непринужденностію и нѣкоторою свободою въ обращеніи съ милою дѣвушкой. Съ Пушкинымъ часто доходило до ссоры, иногда она требовала тутъ вмѣшательства и дяди. Изъ другихъ товарищей видались мы иногда съ Ломоносовымъ и Гурьевымъ. Madame Гурьева насъ иногда и къ себѣ приглашала.

Всѣ мы видѣли, что Пушкинъ насъ опередилъ, многое прочелъ, о чемъ мы и не слыхали, все, что̀ читалъ, помнилъ; но достоинство его состояло въ томъ, что онъ отнюдь не думалъ высказываться и важничать, какъ это очень часто бываетъ въ тѣ годы (каждому изъ насъ было 12 лѣтъ) съ скороспѣлками

которые по какимъ-либо особеннымъ обстоятельствамъ и раньше, и легче находятъ случай чему-нибудь выучиться. Обстановка Пушкина въ отцовскомъ домѣ и у дяди, въ кругу литераторовъ, помимо природныхъ его дарованій, ускорила его образованіе, но нисколько не сдѣлала его заносчивымъ, признакъ доброй почвы. Все научное онъ считалъ ни во что и какъ будто желалъ только доказать, что мастеръ бѣгать, прыгать черезъ стулья, бросать мячикъ, и пр. Въ этомъ даже участвовало его самолюбіе,—бывали столкновенія очень неловкія. Какъ послѣ этого понять сочетаніе разныхъ внутреннихъ нашихъ двигателей! Случалось точно удивляться переходамъ въ немъ: видишь, бывало, его поглощеннымъ не по лѣтамъ въ думы и чтенія, и тутъ же внезапно оставляетъ занятія входитъ въ какой-то припадокъ бѣшенства за то, что другой ни на что лучшее неспособный, перебѣжалъ его или однимъ ударомъ уронилъ всѣ кегли. Я былъ свидѣтелемъ такой сцены на Крестовскомъ острову, куда возилъ насъ иногда на яликѣ гулять Василій Львовичъ.

Среди дѣла и бездѣлья незамѣтнымъ образомъ прошло время до октября. Въ лицеѣ все было готово, и намъ велѣно было съѣзжаться въ Царское Село. Какъ водится, я поплакалъ, разставаясь съ домашними; сестры успокоивали меня тѣмъ, что будутъ навѣщать по праздникамъ, а на Рождество возьмутъ домой. Повезъ меня тотъ же дядя Рябининъ, который пріѣзжалъ за мной къ Разумовскому. Въ Царскомъ мы вошли къ директору: его домъ былъ рядомъ съ Лицеемъ. Василій Өедоровичъ поцѣловалъ меня, поручилъ инспектору Пилецкому-Урбановичу отвести въ Лицей. Онъ привелъ меня прямо въ четвер-

тый этажъ и остановился передъ комнатой, гдѣ надъ дверью была черная дощечка съ надписью: № 13. Иванъ Пущинъ; я взглянулъ налѣво и увидѣлъ: № 14. Александръ Пушкинъ. Очень былъ радъ такому сосѣду, но его еще не было, дверь была заперта. Меня тотчасъ ввели во владѣніе моей комнаты, одѣли съ ногъ до головы въ казенное, тутъ приготовленное, и пустили въ залу, гдѣ уже двигались многіе новобранцы. Мелкаго нашего народу съ каждымъ днемъ прибывало. Мы знакомились поближе другъ съ другомъ, знакомились и съ роскошнымъ нашимъ новосельемъ. Постоянныхъ классовъ до оффиціальнаго открытія Лицея не было, но нѣкоторые профессора приходили заниматься съ нами, предварительно испытывая силы каждаго,—и такимъ образомъ, знакомясь съ нами, пріучали насъ, въ свою очередь, къ себѣ.

Всѣ 30-ть воспитанниковъ собрались. Пріѣхалъ министръ, все осмотрѣлъ, дѣлалъ намъ репетицію церемоніала въ полной формѣ, т. е. вводили насъ извѣстнымъ порядкомъ въ залу, ставили куда слѣдуетъ, по списку вызывали и учили кланяться по направленію къ мѣсту, гдѣ будетъ сидѣть Императоръ и Высочайшая Фамилія. При этомъ неизбѣжно были презабавныя сцены неловкости и ребяческой наивности.

Настало наконецъ 19-е октября, день, назначенный для открытія Лицея. Этотъ день, памятный намъ, первокурснымъ, не разъ былъ воспѣтъ Пушкинымъ въ незабвенныхъ его для насъ стихахъ, знакомыхъ больше или меньше и всей читающей публикѣ.

Торжество началось молитвой. Въ придворной церкви служили обѣдню и молебенъ съ водосвятіемъ. Мы на хорахъ присутствовали при служеніи. Послѣ молебна духовенство со святой водою пошло въ Лицей, гдѣ окропило насъ и все заведеніе.

Въ Лицейской залѣ, между колоннами, поставленъ былъ большой столъ, покрытый краснымъ сукномъ съ золотой бахрамой. На этомъ столѣ лежала Высочайшая Грамота, дарованная Лицею. По правую сторону стола, стояли мы въ три ряда; при насъ — директоръ, инспекторъ и гувернеры; по лѣвую — профессора и другіе чиновники лицейскаго управленія. Остальное пространство залы, на нѣкоторомъ разстояніи отъ стола, было все уставлено рядами креселъ для публики. Приглашены были всѣ высшіе сановники и педагоги изъ Петербурга. Когда все общество собралось, министръ пригласилъ Государя. Императоръ Александръ явился въ сопровожденіи обѣихъ Императрицъ, В. К. Константина Павловича и В. К. Анны Павловны. Привѣтствовавъ все собраніе, царская фамилія заняла кресла въ первомъ ряду. Министръ сѣлъ возлѣ Царя.

Среди общаго молчанія началось чтеніе. Первый вышелъ И. И. Мартыновъ, тогдашній директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія. Дребезжащимъ, тонкимъ голосомъ прочелъ манифестъ объ учрежденіи Лицея и высочайше дарованную ему грамату. (Единственное изъ закрытыхъ учебныхъ заведеній того времени, котораго уставъ гласилъ: «Тѣлесныя наказанія запрещаются». Я не знаю, есть ли и теперь другое, на этомъ основаніи существующее. Слышалъ даже, что и въ Лицеѣ, при императорѣ Николаѣ, разрѣшено наказывать съ родительскою нѣжностью лозою смиренія).

Вслѣдъ за Мартыновымъ робко выдвинулся на сцену нашъ директоръ В. Ф. Малиновскій, со сверткомъ въ рукѣ. Блѣдный какъ смерть, началъ что-то читать; читалъ довольно долго, но врядъ ли многіе могли его слышать, такъ голосъ его былъ слабъ и прерывистъ. Замѣтно было, что сидѣвшіе въ заднихъ рядахъ начали перешептываться и прислоняться къ спинкамъ креселъ. Проявленіе не совсѣмъ ободрительное для оратора, который, кончивши рѣчь свою, поклонился и еле-живой возвратился на свое мѣсто. Мы, школьники, больше всѣхъ были рады, что онъ замолкъ: гости сидѣли, а мы должны были стоя слушать его и ничего не слышать.

Смѣло, бодро выступилъ профессоръ политическихъ наукъ, А. П. Куницынъ и началъ не читать, а говорить объ обязанностяхъ гражданина и воина. Публика, при появленіи новаго оратора, подъ вліяніемъ предшествовавшаго впечатлѣнія, видимо пугалась и вооружалась терпѣніемъ: но по мѣрѣ того, какъ раздавался его чистый, звучный и внятный голосъ, всѣ оживлялись, и къ концу его замѣчательной рѣчи слушатели уже были не опрокинуты къ спинкамъ креселъ, а въ наклоненномъ положеніи къ говорившему: вѣрный знакъ общаго вниманія и одобренія! Въ продолженіи всей рѣчи ни разу не было упомянуто о Государѣ: это небывалое дѣло такъ поразило и понравилось Императору Александру, что онъ тотчасъ прислалъ Куницыну Владимірской крестъ — награда, лестная для молодаго человѣка, только что возвратившагося передъ открытіемъ Лицея изъ-за границы, куда онъ былъ посланъ по окончаніи курса въ Педагогическомъ институтѣ, и назначеннаго въ Лицей на политическую каѳедру. Куницынъ вполнѣ оправдалъ вни-

ваніе Царя: онъ былъ одинъ между нашими профессорами уродъ въ этой семьѣ.

Куницыну дань сердца и вина!
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень,
Поставленъ имъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада возжена...

(*Пушкинъ.* Годовщина 19-го октября 1825 года).

Послѣ рѣчей, стали насъ вызывать по списку; каждый, выходя передъ столъ, кланялся Императору, который очень благосклонно вглядывался въ насъ и отвѣчалъ терпѣливо на неловкіе наши поклоны.

Когда кончилось представленіе виновниковъ торжества, Царь, какъ хозяинъ, отблагодарилъ всѣхъ, начиная съ министра, и пригласилъ Императрицъ осмотрѣть новое его заведеніе. За царской фамиліей двинулась и публика. Насъ между тѣмъ повели въ столовую къ обѣду, чего, признаюсь, мы давно ожидали. Осмотрѣвъ заведеніе, гости Лицея возвратились къ намъ въ столовую и застали насъ усердно трудящимися надъ супомъ съ пирожками. Царь бесѣдовалъ съ министромъ. Императрица Марія Ѳеодоровна попробовала кушанье. Подошла къ Корнилову, оперлась сзади на его плечи, чтобы онъ не приподнимался, и спросила его: «*Карошъ* супъ?» Онъ медвѣженкомъ отвѣчалъ: »Oui monsieur!» Сконфузился ли онъ и не зналъ, кто его спрашивалъ, или дурной русскій выговоръ, которымъ сдѣланъ былъ ему вопросъ,—только все это вмѣстѣ почему-то побудило его откликнуться на французскомъ языкѣ и въ мужескомъ родѣ. Императрица улыбнулась и пошла дальше, не дѣлая уже больше любезныхъ вопросовъ, а нашъ Корниловъ

соника же попалъ на зубокъ; долго преслѣдовала его кличка: Monsieur. Императрица Елизавета Алексѣевна тогда же насъ, юныхъ, плѣнила непринужденною своею привѣтливостью ко всѣмъ; она какъ-то умѣла и успѣла каждому изъ профессоровъ сказать пріятное слово. Тутъ, можетъ быть, зародилась у Пушкина мысль стиховъ къ ней:

На лирѣ скромной, благородной и проч.

(Изд. Анненкова, т. 7, стр. 25. Г-нъ Анненковъ напрасно относитъ эти стихи къ 1819-му году; они написаны въ Лицеѣ въ 1816-омъ).

Константинъ Павловичъ у окна щекоталъ и щипалъ сестру свою Анну Павловну; потомъ подвелъ ее къ Гурьеву, своему крестнику, и стиснувши ему двумя пальцами обѣ щеки, а третьимъ вздернувши носъ, сказалъ ей: «Рекомендую тебѣ эту моську. Смотри, Костя, учись хорошенько!»

Пока мы обѣдали, — и Цари удалились, и публика разошлась. У графа Разумовскаго былъ обѣдъ для сановниковъ; а педагогію петербургскую и нашу лицейскую угощалъ директоръ въ одной изъ классныхъ залъ. Все кончилось уже при лампахъ. Водворилась тишина.

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ:
Онъ какъ душа нераздѣлимъ и вѣченъ,
Непоколебимъ, свободенъ и безпеченъ!
Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастіе куда бъ ни повело,
Все тѣ же мы; намъ цѣлый міръ чужбина,
Отечество намъ Царское Село.

(*Пушкинъ.* Годовщина 19 октября 1825-го года).

Дельвигъ, въ прощальной пѣсни 1817 года, за насъ всѣхъ вспоминаетъ этотъ день:

Тебѣ, нашъ царь, благодаренье!
Ты самъ насъ юныхъ съединилъ
И въ семъ святомъ уединеньѣ
На службу музамъ посвятилъ.

Вечеромъ насъ угощали десертомъ à discrétion вмѣсто казеннаго ужина. Кругомъ Лицея поставлены были плошки, а на балконѣ горѣлъ щитъ съ вензелемъ Императора. Сбросивъ парадную одежду, мы играли передъ Лицеомъ въ снѣжки при свѣтѣ иллюминаціи и тѣмъ заключили свой праздникъ, не подозрѣвая тогда въ себѣ будущихъ столповъ отечества, какъ величалъ насъ Куницынъ, обращаясь въ рѣчи къ намъ. Какъ нарочно для насъ, тотъ годъ рано стала зима. Всѣ посѣтители пріѣзжали изъ Петербурга въ саняхъ. Между ними былъ Е. А. Энгельгардтъ, тогдашній директоръ Педагогическаго Института. Онъ такъ былъ проникнутъ ощущеніями этого дня и въ особенности рѣчью Куницына, что въ тотъ же вечеръ, возвратясь домой, перевелъ ее на нѣмецкій языкъ, написалъ маленькую статью и все отослалъ въ Дерптскій журналъ. Этотъ почтенный человѣкъ не предвидѣлъ тогда, что ему придется быть директоромъ Лицея въ продолженіи трехъ первыхъ выпусковъ.

Несознательно для насъ самихъ мы начали въ Лицеѣ жизнь совершенно новую, иную отъ всѣхъ другихъ учебныхъ заведеній. Черезъ нѣсколько дней послѣ открытія, за вечернимъ чаемъ, какъ теперь помню, входитъ директоръ и объявляетъ намъ, что получилъ предписаніе министра, которымъ возбраняется

выѣзжать изъ Лицея, а что роднымъ дозволено посѣщать насъ по праздникамъ. Это объявленіе категорическое, которое, вѣроятно, было уже предварительно постановлено, но только не оглашалось, сильно отуманило насъ всѣхъ своею неожиданностію. Мы призадумались, молча посмотрѣли другъ на друга, потомъ начались между нами толки и даже разсужденія о незаконности такой мѣры стѣсненія, не бывшей у насъ въ виду при поступленіи въ Лицей. Разумѣется, временное это волненіе прошло, какъ проходитъ постепенно все, особенно въ тѣ годы. Теперь, разбирая безпристрастно это непріятное тогда намъ распоряженіе, невольно сознаешь, что въ немъ-то и зародышъ той неразрывной, отрадной связи, которая соединяетъ первокурсныхъ Лицея. На этомъ основаніи, вѣроятно, Лицей и былъ такъ устроенъ, что по возможности были соединены всѣ удобства домашняго быта съ требованіями общественнаго учебнаго заведенія. Роскошь помѣщенія и содержанія, сравнительно съ другими, даже съ женскими заведеніями, могла имѣть связь съ мыслію Александра, который, какъ говорили тогда, намѣренъ былъ воспитывать съ нами своихъ братьевъ Великихъ Князей Николая и Михаила, почти нашихъ сверстниковъ по лѣтамъ; но императрица Марія Ѳеодоровна воспротивилась этому, находя слишкомъ демократическимъ и неприличнымъ сближеніе сыновей своихъ, особъ царственныхъ, съ нами, плебеями.

Для Лицея отведенъ былъ огромный, четырехэтажный флигель дворца, со всѣми принадлежащими къ нему строеніями. Этотъ флигель при Екатеринѣ занимали Великія Княжны: изъ нихъ въ 1811 году одна только Анна Павловна оставалась незамужнею.

Въ нижнемъ этажѣ помѣщалось хозяйственное управленіе и квартиры инспектора, гувернеровъ и нѣкоторыхъ другихъ чиновниковъ, служащихъ при Лицеѣ; во второмъ — столовая, больница съ аптекой и конференцъ-зала съ канцеляріей; въ третьемъ — рекреаціонная зала, классы (два съ каѳедрами, одинъ для занятій воспитанниковъ послѣ лекцій), физическій кабинетъ, комната для газетъ и журналовъ и библіотека въ аркѣ, соединяющей Лицей со дворцомъ черезъ хоры придворной церкви. Въ верхнемъ—дортуары. Для нихъ, на протяженіи вдоль всего строенія, во внутреннихъ поперечныхъ стѣнахъ прорублены были арки. Такимъ образомъ образовался корридоръ, съ лѣстницами на двухъ концахъ, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ перегородками отдѣлены были комнаты: всего пятьдесятъ нумеровъ. Изъ этого же корридора входъ въ квартиру гувернера Чирикова, надъ библіотекой.

Въ каждой комнатѣ—желѣзная кровать, комодъ, конторка, зеркало, стулъ, столъ для умыванія, вмѣстѣ и ночной. На конторкѣ чернильница и подсвѣчникъ со щипцами.

Во всѣхъ этажахъ и на лѣстницахъ было освѣщеніе ламповое; въ двухъ среднихъ этажахъ паркетные полы. Въ залѣ зеркала во всю стѣну, мебель штофная.

Таково было новоселье наше!

При всѣхъ этихъ удобствахъ, намъ не трудно было привыкнуть къ новой жизни. Вслѣдъ за открытіемъ начались правильныя занятія. Прогулка три раза въ день, во всякую погоду. Вечеромъ въ залѣ — мячикъ и бѣготня.

Вставали мы по звонку въ шесть часовъ. Одѣвались, шли на молитву въ залу. Утреннюю и вечернюю молитву читали

мы вслухъ по очереди. Отъ 7 до 9 часовъ—классъ; въ 9—чай; прогулка—до 10-ти; отъ 10-ти до 12-ти—классъ; отъ 12 до часу—прогулка; въ часъ—обѣдъ; отъ 2 до 3-хъ—или чистописаніе или рисованіе; отъ 3 до 5—классъ; въ 5 часовъ—чай; до 6-ти—прогулка; потомъ—повтореніе уроковъ или вспомогательный классъ. По середамъ и субботамъ—танцованье или фехтованье. Каждую субботу баня. Въ половинѣ 9 часа—звонокъ къ ужину. Послѣ ужина до 10 часовъ—рекреація. Въ 10—вечерняя молитва, сонъ.

Въ коррпдорѣ на ночь ставили ночники во всѣхъ аркахъ. Дежурный дядька мѣрными шагами ходилъ по корридору.

Форма одежды сначала была стѣснительна. По буднямъ—синіе сюртуки съ красными воротниками и брюки того же цвѣта: это бы ничего; но за то, по праздникамъ, мундиръ (синяго сукна съ краснымъ воротникомъ, шитымъ петлицами, серебряными въ первомъ курсѣ, золотыми—во второмъ), бѣлые панталоны, бѣлый жилетъ, бѣлый галстукъ, ботфорты, треугольная шляпа—въ церковь и на гулянье. Въ этомъ нарядѣ оставались до обѣда. Ненужная эта форма, отпечатокъ того времени, постепенно уничтожалась: брошены ботфорты, бѣлые панталоны и бѣлые жилеты замѣнены синими брюками съ жилетами того же цвѣта; фуражка вытѣснила совершенно шляпу, которая надѣвалась нами только, когда учились фронту въ гвардейскомъ образцовомъ баталіонѣ.

Бѣлье содержалось въ порядкѣ особою кастеляншею; въ наше время была m-me Скалонъ. У каждаго была своя печатная мѣтка: нумеръ и фамилія. Бѣлье перемѣнялось на тѣлѣ два раза, а столовое и на постели разъ въ недѣлю.

Обѣдъ состоялъ изъ трехъ блюдъ (по праздникамъ четыре). За ужиномъ два. Кушанье было хорошо, но это не мѣшало намъ иногда бросать пирожки Золотареву въ бакенбарды. При утреннемъ чаѣ—крупичатая бѣлая булка, за вечернимъ—полбулки. Въ столовой, по понедѣльникамъ, выставлялась программа кушаній на всю недѣлю. Тутъ совершалась мѣна порціями по вкусу.

Сначала давали по полустакану портеру за обѣдомъ. Потомъ эта англійская стистема была уничтожена. Мы ограничивались отечественнымъ квасомъ и чистою водой.

При насъ было нѣсколько дядекъ: они завѣдывали чисткой платья, сапогъ и прибирали въ комнатахъ. Между ними замѣчательны были Прокофьевъ, Екатерининскій сержантъ, польскій шляхтичь Леонтій Кемерскій, сдѣлавшійся нашимъ домашнимъ restaurant. У него явился уголокъ, гдѣ можно было найти конфекты, выпить чашку кофе и шоколаду (даже рюмку ликеру—разумѣется, контрабандой). Онъ иногда, по заказу именинника, за общимъ столомъ, вмѣсто казеннаго чая ставилъ сюрпризомъ кофе утромъ или шоколадъ вечеромъ, со столбушками сухарей. Былъ и молодой Сазоновъ, необыкновенное явленіе физіологическое; Галль нашелъ бы несомнѣнно подтвержденіе своей системы въ его черепѣ:

Сазоновъ былъ моимъ слугою
И Пешель докторомъ моимъ.

Стихъ Пушкина. Слишкомъ долго разсказывать преступленіе этого парня; оно же и не идетъ къ дѣлу.

Жизнь наша лицейская сливается съ политическою эпохою народной жизни русской: приготовлялась гроза 1812 года. Эти событія сильно отразились на нашемъ дѣтствѣ. Началось съ того, что мы провожали всѣ гвардейскіе полки, потому что они проходили мимо самаго лицея; мы всегда были тутъ, при ихъ появленіи, выходили даже во время классовъ, напутствовали воиновъ сердечною молитвой, обнимались съ родными и знакомыми; усатые гренадеры изъ рядовъ благословляли насъ крестомъ. Не одна слеза тутъ пролита.

Сыны Бородина, о, кульмскіе герои!
Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи;
Душой восторженной за братьями летѣлъ...
(Изд. Анненкова, т II, стр. 77).

Такъ вспоминалъ Пушкинъ это время въ 1815 году, въ стихахъ на возвращеніе Императора изъ Парижа.

Когда начались военныя дѣйствія, всякое воскресенье кто-нибудь изъ родныхъ привозилъ реляціи; Кошанскій читалъ ихъ намъ громогласно въ залѣ. Газетная комната никогда не была пуста въ часы, свободные отъ классовъ; читались наперерывъ русскіе и иностранные журналы, при неумолкаемыхъ толкахъ и преніяхъ; всему живо сочувствовалось у насъ: опасенія смѣнялись восторгами при малѣйшемъ проблескѣ къ лучшему. Профессора приходили къ намъ и научали насъ слѣдить за ходомъ дѣлъ и событій, объясняя иное, намъ недоступное.

Такимъ образомъ мы скоро сжились, свыклись. Образовалась товарищеская семья, въ этой семьѣ — свои кружки; въ этихъ кружкахъ начали обозначаться, больше или меньше, лич-

мости каждаго; близко узнали мы другъ друга, никогда не разлучаясь: тутъ образовались связи на всю жизнь.

Пушкинъ, съ самаго начала, былъ раздражительнѣе многихъ и потому не возбуждалъ общей симпатіи: это удѣлъ эксцентрическаго существа среди людей. Не то, чтобы онъ разыгрывалъ какую-нибудь роль между нами или поражалъ какими-нибудь особенными странностями, какъ это было въ иныхъ; но иногда неумѣстными шутками, неловкими колкостями самъ ставилъ себя въ затруднительное положеніе, не умѣя потомъ изъ него выйти. Это вело его къ новымъ промахамъ, которые никогда не ускользаютъ въ школьныхъ сношеніяхъ. Я, какъ сосѣдъ (съ другой стороны его нумера была глухая стѣна), часто, когда всѣ уже засыпали, толковалъ съ нимъ въ полголоса черезъ перегородку о какомъ-нибудь вздорномъ случаѣ того дня; тутъ я видѣлъ ясно, что онъ по щекотливости всякому вздору приписывалъ какую-то важность, и это его волновало. Вмѣстѣ мы, какъ умѣли, сглаживали нѣкоторыя шероховатости, хотя не всегда это удавалось. Въ немъ была смѣсь излишней смѣлости съ застѣнчивостью, и то, и другое не впопадъ, что̀ тѣмъ самымъ ему вредило. Бывало, вмѣстѣ промахнемся, самъ вывернешься, а онъ никакъ не сумѣетъ этого уладить. Главное, ему недоставало того, что̀ называется *тактомъ*, это—капиталъ, необходимый въ товарищескомъ быту, гдѣ мудрено, почти невозможно, при совершенно безцеремонномъ обращеніи, уберечься отъ нѣкоторыхъ непріятныхъ столкновеній вседневной жизни. Все это вмѣстѣ было причиной, что вообще не вдругъ отозвались ему на его привязанность къ лицейскому кружку, которая съ первой поры зародилась въ немъ,

не проявляясь впрочемъ свойственною ей иногда пошлостью. Чтобъ полюбить его настоящимъ образомъ, нужно было взглянуть на него съ тѣмъ полнымъ благорасположеніемъ, которое знаетъ и видитъ всѣ неровности характера и другіе недостатки, мирится съ ними и кончаетъ тѣмъ, что полюбитъ даже и ихъ въ другѣ-товарищѣ. Между нами какъ-то это скоро и незамѣтно устроилось. Вотъ почему, можетъ быть, Пушкинъ говоритъ впослѣдствіи:

Товарищъ милый, другъ прямой!
Тряхнемъ рукою руку,
Оставимъ въ чашѣ круговой
Педантамъ сродну скуку.
Не въ первый разъ мы вмѣстѣ пьемъ,
Нерѣдко и бранимся,
Но чашу дружества нальемъ,
И тотчасъ помиримся.

(Пирующіе студенты. Изд. Анненкова, т. II, стр. 19—1814 г.).

Потомъ опять, въ 1817 году, въ альбомѣ, передъ самымъ выпускомъ, онъ же сказалъ мнѣ:

Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ,
Исписанный когда-то мною,
На время улети въ лицейскій уголокъ
Всесильной, сладостной мечтою.

Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья,

Что было и не будетъ вновь...
И съ тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.

Мой другъ, она прошла... но съ первыми друзьями
Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключенъ;
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами,
О милый, вѣченъ онъ!

(Изд. Анненкова, т. II, стр. 170).

Лицейское наше шестилѣтіе, въ историко-хронологическомъ отношеніи, можно разграничить тремя эпохами, рѣзко между собою отдѣляющимися: директорствомъ Малиновскаго, междуцарствіемъ (то-есть, управленіе профессоровъ: ихъ смѣняли послѣ каждаго ненормальнаго событія) и директорствомъ Энгельгардта.

Не пугайтесь! Я не поведу васъ этою длинною дорогой, она васъ утомитъ. Не станемъ дѣлать изысканій; всѣ подробности вседневной нашей жизни, близкой намъ и памятной, должны остаться достояніемъ нашимъ: насъ, ветерановъ Лицея, уже немного осталось, но мы и теперь молодѣемъ, когда собравшись заглядываемъ въ эту даль. Довольно, если припомню кой-что, гдѣ мелькаетъ Пушкинъ въ разныхъ проявленіяхъ.

При самомъ началѣ—онъ нашъ поэтъ. Какъ теперь вижу тотъ послѣобѣденный классъ Кошанскаго, когда, окончивши лекцію нѣсколько раньше урочнаго часа, профессоръ сказалъ: «Теперь, господа, будемъ пробовать перья: опишите мнѣ пожалуйста розу стихами». Наши стихи вообще не клеились, а Пушкинъ мигомъ прочелъ два четырехстишія, которыя всѣхъ

насъ восхитили. Жаль, что не могу припомнить этого перваго поэтическаго его лепета. Кошанскій взялъ рукопись къ себѣ. Это было чуть ли не въ 811-мъ году, и никакъ не позже первыхъ мѣсяцевъ 12-го. Упоминаю объ этомъ потому, что ни Бартеневъ, ни Анненковъ ничего объ этомъ не упоминаютъ.

Пушкинъ потомъ постоянно и дѣятельно участвовалъ во всѣхъ лицейскихъ журналахъ, импровизировалъ такъ-называемыя народныя наши пѣсни, точилъ на всѣхъ эпиграммы и проч. Естественно, онъ былъ во главѣ литературнаго движенія, сначала въ стѣнахъ лицея, потомъ и внѣ его, въ нѣкоторыхъ современныхъ московскихъ изданіяхъ. Все это обслѣдовано почтеннымъ издателемъ его сочиненій П. В. Анненковымъ, который запечатлѣлъ свой трудъ необыкновенною изыскательностью, полнымъ знаніемъ дѣла и горячею любовью къ Пушкину — поэту и человѣку [1]).

---

[1]) Изъ уваженія къ истинѣ долженъ кстати замѣтить, что г. Анненковъ приписываетъ Пушкину мою прозу (т. II, стр. 29. VI). Я говорю про статью объ «Объ эпиграммѣ и надписи у древнихъ». Статью эту я перевелъ изъ Ла-Гарпа и просилъ Пушкина перевести для меня стихи, которые въ ней приведены. Все это, за подписью П, отправилъ я къ Вл. Измайлову, тогдашнему издателю *Вѣстника Европы*. Потомъ къ нему же послалъ другой переводъ, изъ Лафатера: «О путешественникахъ». Тутъ ужь я скрылся подъ буквами ъ—ъ. Обѣ эти статьи были напечатаны. Письма мои передавались на почту изъ нашего дома въ Петербургѣ; я просилъ туда же и адресоваться ко мнѣ въ случаѣ надобности. Измайловъ до того былъ въ заблужденіи, что, бла-

Сегодня разскажу вамъ исторію гогель-могеля, которая сохранилась въ лѣтописяхъ Лицея. Шалость приняла серьезный характеръ и могла имѣть пагубное вліяніе и на Пушкина, и на меня, какъ вы сами увидите.

Мы, то-есть, я, Малиновскій и Пушкинъ затѣяли выпить гогель-могелю. Я досталъ бутылку рому, добыли яицъ, натолкли сахару, и началась работа у кипящаго самовара. Разумѣется, кромѣ насъ, были и другіе участники въ этой вечерней пирушкѣ, но они остались за кулисами по дѣлу, а въ сущности одинъ изъ нихъ, именно Тырковъ, въ которомъ черезъ чуръ подѣйствовалъ ромъ, былъ причиной, по которой дежурный гувернеръ замѣтилъ какое-то необыкновенное оживленіе, шумливость, бѣготню. Сказалъ инспектору. Тотъ, послѣ ужина, всмотрѣлся въ молодую свою команду и увидѣлъ что-то взвинченное. Тутъ же начались спросы, розыски. Мы трое явились и объявили, что это наше дѣло, и что мы одни виноваты.

Исправлявшій тогда должность директора профессоръ Гауеншильдъ донесъ министру. Разумовскій пріѣхалъ изъ Петербурга, вызвалъ насъ изъ класса и сдѣлалъ намъ формальный строгій выговоръ. Этимъ не кончилось, — дѣло поступило на рѣшеніе конференціи. Конференція постановила слѣдующее:

годаря меня за переводы, просилъ сообщать ему для его журнала извѣстія о петербургскомъ театрѣ: онъ былъ увѣренъ, что я живу въ Петербургѣ и непремѣнно театралъ, между тѣмъ какъ я сидѣлъ еще на лицейской скамьѣ. Тетради барона Модеста Корфа ввели Анненкова въ ошибку, для меня очень лестную, если бы меня тревожило авторское самолюбіе.

1) двѣ недѣли стоять на колѣняхъ во время утренней и вечерней молитвы; 2) смѣстить насъ на послѣднія мѣста за столомъ, гдѣ мы сидѣли по поведенію, и 3) занести фамиліи наши, съ прописаніемъ виновности и приговора, въ черную книгу, которая должна имѣть вліяніе при выпускѣ.

Первый пунктъ приговора былъ выполненъ буквально. Второй смягчался по усмотрѣнію начальства: насъ, по истеченіи нѣкотораго времени, постепенно подвигали опять вверхъ. При этомъ случаѣ Пушкинъ сказалъ:

Блаженъ мужъ, иже
Сидитъ къ кашѣ ближе.

На этомъ концѣ стола раздавалось кушанье дежурнымъ гувернеромъ. Третій пунктъ, самый важный, остался безъ всякихъ послѣдствій. Когда при разсужденіяхъ конференціи о выпускѣ представлена была директору Энгельгарту черная эта книга, гдѣ мы только и были записаны, онъ ужаснулся и сталъ доказывать своимъ сочленамъ, что мудрено допустить, чтобы давнишняя шалость, за которую тогда же было взыскано, могла бы еще имѣть вліяніе и на будущность послѣ выпуска. Всѣ тотчасъ же согласились съ его мнѣніемъ и дѣло было сдано въ архивъ.

Гогель-могель—ключъ къ посланію Пушкина ко мнѣ:

Помнишь ли, мой братъ по чашѣ,
Какъ въ отрадной тишинѣ
Мы топили горе наше
Въ чистомъ пѣнистомъ винѣ?

Какъ, укрывшись молчаливо
Въ нашемъ тѣсномъ уголкѣ,

Съ Вакхомъ нѣжились лѣниво
Школьной стражи вдалекѣ?

Помнишь ли друзей шептанье
Вкругъ бокаловъ пуншевыхъ,
Рюмокъ грозное молчанье,
Пламя трубокъ грошевыхъ?

Закипѣвъ, о сколь прекрасно
Токи дымные текли!
Вдругъ педанта гласъ ужасный
Намъ послышался вдали —

И бутылки вмигъ разбиты,
И бокалы всѣ въ окно,
Всюду по полу разлиты
Пуншъ и свѣтлое вино.

Убѣгаемъ торопливо...
Въ мигъ изчезъ минутный страхъ:
Щекъ румяныхъ цвѣтъ игривой,
Умъ и сердце на устахъ.

Хохотъ чистаго веселья,
Неподвижный тусклый взоръ
Измѣняли часъ похмелья,
Сладкій Вакха заговоръ!

О, друзья мои сердечны,
Вамъ клянуся, за столомъ
Всякій годъ, въ часы безпечны,
Поминать его виномъ!

(Изд. Анненк. Т. II, стран. 217).

По случаю гогель-могеля Пушкинъ экспромтомъ сказалъ въ подражаніе стихамъ И. И. Дмитріева:

(Мы недавно отъ печали,
Лиза, я да Купидонъ
По бокалу осушали
И прогнали мудрость вонъ, и проч.)

Мы недавно отъ печали,
Пущинъ, Пушкинъ, я, баронъ,
По бокалу осушали
И Ѳому прогнали вонъ.

(Остальныхъ строфъ не помню: этому слишкомъ сорокъ лѣтъ).

Ѳома былъ дядька, который купилъ намъ ромъ. Мы кой-какъ вознаградили его за потерю мѣста. Предполагается, что пѣсню поетъ Малиновскій, его фамиліи не вломаешь въ стихъ. Баронъ—для риѳмы, означаетъ Дельвига.

Были и каррикатуры, на которыхъ изъ-подъ стола выглядывали фигуры тѣхъ, которыхъ намъ удалось скрыть.

Вообще это пустое событіе (которымъ, разумѣется, нельзя было похвастать) надѣлало тогда много шуму и огорчило нашихъ родныхъ, благодаря премудрому распоряженію начальства. Все могло кончиться домашнимъ порядкомъ, еслибы Гауеншильдъ и инспекторъ Фроловъ не вздумали формальнымъ образомъ донести министру.

Сидѣли мы съ Пушкинымъ однажды вечеромъ въ библіотекѣ у открытаго окна. Народъ выходилъ изъ церкви отъ всенощной; въ толпѣ я замѣтилъ старушку, которая о чемъ-то

горячо съ жестами разсуждала съ молодой дѣвушкою, очень хорошенькою. Среди болтовни я говорю Пушкину, что любопытно бы знать, о чемъ такъ горячатся онѣ, о чемъ такъ спорятъ, идя отъ молитвы? Онъ почти не обратилъ вниманія на мои слова, всмотрѣлся однако въ указанную мною чету и на другой день встрѣтилъ меня стихами:

От всенощной, вечоръ, идя домой,
Антипьевна съ Марфушкою бранилась;
Антипьевна отмѣнно горячилась.
«Постой, кричитъ,—«управлюсь я съ тобой!
«Ты думаешь, что я забыла
«Ту ночь, когда забравшись въ уголокъ»,
Ты съ крестникомъ Ванюшею шалила.
Постой о всемъ узнаетъ муженекъ!»—
Тебѣ-ль грозить, Мареушка отвѣчаетъ,
Ванюшка что? Вѣдь онъ еще дитя;
А сватъ Трофимъ который у тебя
И день и ночь? Весь городъ это знаетъ.
Молчи-жъ кума: и ты какъ я грѣшна
Словами жъ всякаго, пожалуй, разобидишь.
Въ чужой... соломинку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна».

«Вотъ что ты заставилъ меня написать, любезный другъ», сказалъ онъ, видя, что я нѣсколько призадумался, выслушавъ его стихи, въ которыхъ поразило меня окончаніе. Въ эту минуту подошелъ къ намъ Кайдановъ, — мы собирались въ его классъ. Пушкинъ и ему прочелъ свой разсказъ.

Кайдановъ взялъ его за ухо и тихонько сказалъ ему: «Не совѣтую вамъ, Пушкинъ, заниматься такой поэзіей, особенно кому-нибудь сообщать ее. И вы, Пущинъ, не давайте волю

язычку», прибавилъ онъ, обратясь ко мнѣ. Хорошо, что на этотъ разъ подвернулся намъ добрый Иванъ Кузьмичъ, а не другой кто-нибудь.

Впрочемъ надобно сказать всѣ профессора смотрѣли съ благоговѣніемъ на растущій талантъ Пушкина. Въ математическомъ классѣ вызвалъ его разъ Карцовъ къ доскѣ и задалъ алгебраическую задачу. Пушкинъ долго переминался съ ноги на ногу и все писалъ молча какія-то формулы. Карцовъ спросилъ его наконецъ, «Что жъ вышло? Чему равняется иксъ?» Пушкинъ, улыбаясь, отвѣтилъ: *нулю*! «Хорошо! У васъ, Пушкинъ, въ моемъ классѣ все кончается нулемъ. Садитесь на свое мѣсто и пишите стихи». Спасибо и Карцову, что онъ изъ математическаго фанатизма не велъ войны съ его поэзіей. Пушкинъ охотнѣе всѣхъ другихъ классовъ занимался въ классѣ Куницына, и то совершенно по своему: уроковъ никогда не повторялъ, мало что записывалъ, а чтобы переписывать тетради профессоровъ (печатныхъ руководствъ тогда еще не существовало), у него и въ обычаѣ не было: все дѣлалось à livre ouvert.

На публичномъ нашемъ экзаменѣ Державинъ, державнымъ своимъ благословеніемъ увѣнчалъ юнаго нашего поэта. Мы всѣ, друзья-товарищи его, гордились этимъ торжествомъ. Пушкинъ тогда читалъ свои «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» (Изд. Анненк. т. II, стр. 81). Въ этихъ великолѣпныхъ стихахъ затронуто все живое для русскаго сердца. Читалъ Пушкинъ съ необыкновеннымъ оживленіемъ. Слушая знакомые стихи, морозъ по кожѣ пробѣгалъ у меня. Когда же патріархъ нашихъ пѣвцовъ въ восторгѣ, со слезами на глазахъ бросился цѣловать и осѣ-

нилъ кудрявую его голову, мы всѣ, подъ какимъ-то невѣдомымъ вліяніемъ, благоговѣйно молчали. Хотѣли сами обнять нашего пѣвца, его ужь не было: онъ убѣжалъ!.. Все это уже разсказано въ печати.

Вчера мнѣ Маша приказала
Въ куплеты риѳмы набросать,
И мнѣ въ награду обѣщала
Спасибо въ прозѣ написать, и проч.

(Изд. Ан., т. II, стр. 213).

Стихи эти написаны сестрѣ Дельвига, премилой, живой дѣвочкѣ, которой тогда было семь или восемь лѣтъ. Стихи сами по себѣ очень милы, но для насъ имѣютъ особый интересъ. Корсаковъ положилъ ихъ на музыку, и эти стансы пѣлись тогда юными дѣвицами почти во всѣхъ домахъ, гдѣ Лицей имѣлъ право гражданства.

«Красавицѣ, которая нюхала табакъ» (Изд. Анненк. т. II, стр. 17), писано къ Горчакова сестрѣ, княгинѣ Еленѣ Михайловнѣ Кантакузиной. Вѣроятно, она и не знала и не читала этихъ стиховъ, плодъ разгоряченнаго молодаго воображенія.

Къ живописцу.

Дитя харитъ, воображенья!
Въ порывѣ пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья
Мнѣ друга сердца напиши, и проч.

(Изд. Ан. т. II, стр. 69).

Пушкинъ проситъ живописца написать портретъ К. П. Бакуниной, сестры нашего товарища. Эти стихи — выраженіе не одного только его страдавшаго тогда сердечка!..

Нельзя не вспомнить сцены, когда Пушкинъ читалъ намъ своихъ «Пирующихъ студентовъ». Онъ былъ въ лазаретѣ и пригласилъ насъ прослушать эту піесу. Послѣ вечерняго чая мы пошли къ нему гурьбой съ гувернеромъ Чириковымъ.

Началось чтеніе:

Друзья! Досужный часъ насталъ,
Все тихо, все въ покоѣ, и проч.

Вниманіе общее, тишина глубокая по временамъ только прерывается восклицаніями. Кюхельбекеръ просилъ не мѣшать, онъ былъ весь тутъ, въ полномъ упоеніи... Доходитъ дѣло до послѣдней строфы. Мы слышимъ:

Писатель! За твои грѣхи
Ты съ виду всѣхъ трезвѣе:
Вильгельмъ, прочти свои стихи,
Чтобъ мнѣ заснуть скорѣе!

При этомъ возгласѣ публика забываетъ поэта, стихи его, бросается на бѣднаго метромана, который, растаявши подъ вліяніемъ поэзіи Пушкина, приходитъ въ совершенное одурѣніе отъ неожиданной эпиграммы и нашего дикаго натиска. Добрая душа былъ этотъ Кюхель! Опомнившись, проситъ онъ Пушкина еще разъ прочесть, потому что и тогда уже плохо слышалъ однимъ ухомъ, испорченнымъ золотухой.

Посланіе ко мнѣ:

Любезный именнииникъ, и проч.

не требуетъ поясненій. Оно выражаетъ то же чувство, которое отрадно проявляется въ многихъ другихъ стихахъ Пушкина. Мы съ нимъ постоянно были въ дружбѣ, хотя въ иныхъ случаяхъ розно смотрѣли на людей и вещи; откровенно сообщая другъ другу противорѣчащія наши воззрѣнія, мы все-таки умѣли ихъ сгармонировать и оставались въ постоянномъ согласіи. Кстати тутъ разскажу довольное оригинальное событіе, по случаю котораго пришлось мнѣ много спорить съ нимъ за Энгельгардта.

У дворцовой гауптвахты, передъ вечернею зарей, обыкновенно играла полковая музыка. Это привлекало гулявшихъ въ саду, разумѣется и насъ, l'inévitable Lycée, какъ называли иные нашу шумную, движущуюся толпу. Иногда мы проходили къ музыкѣ дворцовымъ корридоромъ, въ который между другими помѣщеніями былъ выходъ и изъ комнатъ, занимаемыхъ фрейлинами Императрицы Елизаветы Алексѣевны. Этихъ фрейлинъ было тогда три: Плюскова, Валуева и княжна Волконская. У Волконской была премиленькая горничная Наташа. Случалось, встрѣтясь съ нею въ темныхъ переходахъ корридора, и полюбезничать; она многихъ изъ насъ знала, да и кто не зналъ Лицея, который мозолилъ глаза всѣмъ въ саду? Однажды идемъ мы, растянувшись по этому корридору маленькими группами. Пушкинъ на бѣду былъ одинъ, слышитъ въ темнотѣ шорохъ платья, воображаетъ, что непремѣнно Наташа, бросается поцѣловать ее самымъ невиннымъ образомъ. Какъ нарочно, въ эту минуту отворяется дверь изъ комнаты

и освѣщаетъ сцену: передъ нимъ сама княжна Волконская. Что дѣлать ему? Бѣжать безъ оглядки; но этого мало, надобно поправить дѣло, а дѣло неладно! Онъ тотчасъ разсказалъ мнѣ про это, присоединясь къ намъ, стоявшимъ у оркестра. Я ему совѣтовалъ открыться Энгельгардту и просить его защиты. Пушкинъ никакъ не соглашался довѣриться директору и хотѣлъ написать княжнѣ извинительное письмо. Между тѣмъ она успѣла пожаловаться брату своему П. М. Волконскому, а Волконскій—Государю.

Государь на другой день приходитъ къ Энгельгардту. «Что жь это будетъ?» говоритъ Царь. — «Твои воспитанники не только снимаютъ черезъ заборъ мои наливныя яблоки, бьютъ сторожей садовника Лямина» (точно, была такого рода экспедиція, гдѣ дѣйствовалъ на первомъ планѣ графъ Сильвестръ Брогліо, теперь сенаторъ Наполеона III [1]), но теперь ужь не даютъ проходу фрейлинамъ жены моей». Энгельгардтъ, своимъ путемъ, зналъ о неловкой выходкѣ Пушкина, можетъ быть, и отъ самого Петра Михайловича, который могъ сообщить ему это въ тотъ же вечеръ. Онъ нашелся и отвѣчалъ Императору Александру: «Вы меня предупредили, Государь; я искалъ случая принести вашему величеству повинную за Пушкина; онъ, бѣдный, въ отчаяніи; приходилъ за моимъ позволеніемъ письменно просить княжну, чтобъ она великодушно простила ему это неумышленное оскорбленіе». Тутъ

[1]) Это свѣдѣніе о Брогліо оказалось несправедливымъ: онъ былъ избранъ французскими филеленами въ начальники и убитъ въ Греціи въ 1829 году.

Энгельгардтъ разсказалъ подробности дѣла, стараясь всячески смягчить вину Пушкина, и присовокупилъ, что сдѣлалъ уже ему строгій выговоръ и проситъ разрѣшенія на счетъ письма. На это ходатайство Энгельгардта Государь сказалъ: «Пусть пишетъ, ужь такъ и быть, я беру на себя адвокатство за Пушкина; но скажи ему, чтобъ это было въ послѣдній разъ. La vieille est peut-être enchantée de la méprise du jeune homme, entre nous soit dit», шепнулъ Императоръ улыбаясь Энгельгардту. Пожалъ ему руку и пошелъ догонять Императрицу, которую изъ окна увидѣлъ въ саду.

Такимъ образомъ дѣло кончилось необыкновенно хорошо. Мы всѣ были рады такой развязкѣ, жалѣя Пушкина и очень хорошо понимая, что каждый изъ насъ легко могъ попасть въ такую бѣду. Я съ своей стороны старался доказать ему, что Энгельгардтъ тутъ дѣйствовалъ отлично: онъ никакъ не сознавалъ этого, все увѣряя меня, что Энгельгардтъ, защищая его, самъ себя защищалъ. Много мы спорили; для меня оставалось не разрѣшенною загадкой, почему всѣ вниманія директора и жены его отвергались Пушкинымъ: онъ никакъ не хотѣлъ видѣть его въ настоящемъ свѣтѣ, избѣгая всякаго сближенія съ нимъ. Эта несправедливость Пушкина къ Энгельгардту, котораго я душой полюбилъ, сильно меня волновала. Тутъ крылось что-нибудь, чего онъ никакъ не хотѣлъ мнѣ сказать; наконецъ я пересталъ и настаивать, предоставя все времени. Оно одно можетъ вразумить въ такомъ непонятномъ упорствѣ.

Не возможно передать вамъ всѣхъ подробностей нашего шестилѣтняго существованія въ Царскомъ Селѣ: это было бы слишкомъ сложно и громоздко; тутъ смѣсь и дѣльнаго, и пустого. Между тѣмъ вся эта пестрота имѣла для насъ свое очарованіе. Съ назначеніемъ Энгельгардта въ директоры, школьный нашъ бытъ принялъ иной характеръ: онъ съ любовью принялся за дѣло. При немъ по вечерамъ устроились чтенія въ залѣ (Энгельгардтъ отлично читалъ). Въ домѣ его мы знакомились съ обычаями свѣта, ожидавшаго насъ у порога Лицея, находили пріятное женское общество. Лѣтомъ, въ вакантный мѣсяцъ, директоръ дѣлалъ съ нами дальнія, иногда двухдневныя прогулки по окрестностямъ; зимой для развлеченія ѣздили на нѣсколькихъ тройкахъ за городъ, завтракать или пить чай въ праздничные дни; въ саду, на прудѣ, катались съ горъ и на конькахъ. Во всѣхъ этихъ увеселеніяхъ участвовало его семейство и близкія ему дамы и дѣвицы, иногда и пріѣзжавшіе родные наши. Женское общество всему этому придавало особенную прелесть и пріучало насъ къ приличію въ обращеніи. Однимъ словомъ, директоръ нашъ понималъ, что запрещенный плодъ—опасная приманка, и что свобода, руководимая опытною дружбой, удерживаетъ юношу отъ многихъ ошибокъ. Отъ сближенія нашего съ женскимъ обществомъ, зараждался платонизмъ въ чувствахъ: этотъ платонизмъ не только не мѣшалъ занятіямъ, но придавалъ даже силы въ классныхъ трудахъ, нашептывая, что успѣхомъ можно порадовать предметъ воздыханій.

Пушкинъ клеймилъ своимъ стихомъ лицейскихъ Сердечкиныхъ, хотя и самъ иногда попадалъ въ эту категорію. Разъ,

на зимней нашей прогулкѣ въ саду, гдѣ расчищались кругомъ пруда дорожки, онъ говоритъ Есакову, съ которымъ я часто ходилъ въ парѣ:

И останешься съ вопросомъ
На берегу замерзлыхъ водъ:
«Мамзель Шредеръ съ краснымъ носомъ
«Милыхъ Вельо не ведетъ»?

Такъ точно, когда я передъ самымъ выпускомъ, лежалъ въ больницѣ, онъ какъ-то успѣлъ написать мѣломъ на дощечкѣ у моей кровати:

Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ—
Судьба его неумолима!
Несите прочь медикаментъ:
Болѣзнь любви неизлѣчима!

Я нечаянно увидѣлъ эти стихи надъ моимъ изголовьемъ и узналъ исковерканный его почеркъ. Пушкинъ не сознавался въ этомъ экспромптѣ.

Слишкомъ за годъ до выпуска Государь спросилъ Энгельгардта: есть ли между нами желающіе въ военную службу? Онъ отвѣчалъ, что чуть ли не болѣе десяти человѣкъ этого желаютъ (и Пушкинъ тогда колебался, но родные его были противъ, опасаясь за его здоровье). Государь на это сказалъ: «Въ такомъ случаѣ надо бы познакомить ихъ съ фронтомъ», Энгельгардтъ испугался и напрямикъ просилъ Императора оставить лицей, если въ немъ будетъ ружье. Къ этой просьбѣ присовокупилъ, что онъ никогда не носилъ никакого оружія,

кромѣ того, которое у него всегда въ карманѣ, и показалъ садовый ножикъ. Долго они торговались; наконецъ, Гсударь кончилъ тѣмъ, что его не переспоришь. Велѣлъ спросить всѣхъ и для желающихъ быть военными учредить классъ военныхъ наукъ. Вслѣдствіе этого приказанія поступилъ къ намъ инженерный полковникъ Эльснеръ, бывшій адъютантъ Костюшки, преподавателемъ артиллеріи, фортификаціи и тактики.

Было еще другого рода нападеніе на насъ около того же времени. Какъ-то, въ разговорѣ съ Энгельгардтомъ, Царь предложилъ ему посылать насъ дежурить при Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ во время лѣтняго ея пребыванія въ Царскомъ Селѣ, говоря, что это дежурство пріучитъ молодыхъ людей быть развязнѣе въ обращеніи и вообще послужитъ имъ въ пользу. Энгельгардъ и это отразилъ, доказавъ, что, кромѣ многихъ неудобствъ, придворная служба будетъ отвлекать отъ учебныхъ занятій и попрепятствуетъ достиженію цѣли учрежденія Лицея. Къ этому онъ прибавилъ, что въ продолженіи многихъ лѣтъ никогда не видалъ камеръ-пажа ни на прогулкахъ, ни при выѣздахъ царствующей Императрицы. Между нами мнѣнія на счетъ этого нововведенія были раздѣлены: иные, по суетности и лѣни, желали этой лакейской должности; но дѣло обошлось одними толками, и не знаю, почему изъ этихъ толковъ о сближеніи съ дворомъ выкроилась для насъ верховая ѣзда. Мы стали ходить два раза въ недѣлю въ гусарскій манежъ гдѣ, на лошадяхъ запаснаго эскадрона, учились у полковника Кнабенау, подъ главнымъ руководствомъ генерала Левашева, который и прежде того, видя насъ часто въ галлереѣ манежа, во время верховой ѣзды своихъ гусаръ, обращался къ намъ съ

привѣтомъ и вопросомъ: когда мы начнемъ учиться ѣздить? Онъ даже попалъ по этому случаю въ куплеты нашей лицейской пѣсни. Вотъ его куплетъ:

Bonjour, messieurs! Потише!
Поводьемъ не играй—
Вотъ я тебя потѣшу!..
A quand l'equitation?

Вотъ вамъ выдержки изъ хроники нашей юности. Удовольвольствуйтесь ими! Можетъ быть, когда-нибудь появится цѣлый рядъ воспоминаній о лицейскомъ своеобразномъ бытѣ перваго курса, съ очерками личностей, которыя потомъ заняли свои мѣста въ общественной сферѣ; большая часть изъ нихъ уже изчезла, но оставила отрадное памятованіе въ сердцахъ не однихъ своихъ товарищей.

Въ маѣ начались выпускные публичные экзамены. Тутъ мы уже начали готовиться къ выходу изъ Лицея. Разлука съ товорищеской семьей была тяжела, хотя ею должна была начаться всегда желанная эпоха жизни, съ заманчивою, незнакомою далью. Кто не спѣшилъ, въ тогдашніе наши годы, соскочить со школьной скамьи; но наша скамья была такъ завѣтно-привѣтлива, что невольно, даже при мысли о наступающей свободѣ, оглядывались мы на нее. Время проходило въ мечтахъ, прощаньяхъ и обѣтахъ, сердце дробилось!

Судьба на вѣчную разлуку,
Быть можетъ, породнила насъ!

(«Прощальная пѣснь» Дельвига).

Наполнились альбомы и стихами, и прозой. Въ моемъ остались стихи Пушкина. Они уже приведены вполнѣ на 6-мъ листѣ этого разсказа.

Дельвига:

Прочти сіи набросанныя строки
Съ небрежностью на памятномъ листкѣ,
Какъ не узнать поэта по рукѣ?
Какъ первые не вспомянуть уроки
И не сказать при дружескомъ столѣ:
«Друзья, у насъ есть другъ и въ Хоролѣ!»

Дельвигъ послѣ выпуска поѣхалъ въ Хороль, гдѣ квартировалъ отецъ его, командовавшій бригадой во внутренней стражѣ.

Илличевскаго стиховъ не могу припомнить; знаю только, что онѣ всѣ кончались риѳмой на Пущинъ. Это было очень оригинально.

Къ прискорбію моему, этотъ альбомъ, исписанный и изрисованный, утратился изъ допотопнаго моего портфеля, который дивнымъ образомъ возвратился ко мнѣ черезъ тридцать-два года со всѣми положенными мною рукописями.

9-го іюня былъ актъ. Характеръ его былъ совершенно иной: какъ открытіе Лицея было пышно и торжественно, такъ выпускъ нашъ тихъ и скроменъ. Въ ту же залу пришелъ Императоръ Александръ въ сопровожденіи одного тогдашняго министра народнаго просвѣщенія князя Голицына. Государь не взялъ даже съ собою князя П. М. Волконскаго, который, какъ всѣ говорили, желалъ быть на актѣ.

Въ залѣ были мы всѣ съ директоромъ, профессорами, инспекторомъ и гувернеромъ. Энгельгардъ прочелъ коротенькій отчетъ за весь шестилѣтній курсъ; послѣ него конференцъ-секретарь Куницынъ возгласилъ высочайше утвержденное постановленіе конференціи о выпускѣ. Вслѣдъ за этимъ всѣхъ насъ, по старшинству выпуска, представляли Императору, съ объявленіемъ чиновъ и наградъ.

Государь заключилъ актъ краткимъ отеческимъ наставленіемъ воспитанникамъ и изъявленіемъ благодарности директору и всему штату Лицея.

Тутъ пропѣта была нашимъ хоромъ лицейская прощальная пѣснь—слова Дельвига, музыка Теппера, который самъ дирижировалъ хоромъ. Государь и его не забылъ при общихъ наградахъ.

Онъ былъ тронутъ и поэзіей, и музыкой, понялъ слезу на глазахъ воспитанниковъ и наставниковъ. Простился съ нами съ обычною привѣтливостью и пошелъ во внутреннія комнаты, взявъ князя Голицына подъ руку. Энгельгардъ предупредилъ его, что вездѣ безпорядокъ по случаю сборовъ къ отъѣзду. «Это ничего»,— возразилъ онъ,—«я сегодня не въ гостяхъ у тебя. Какъ хозяинъ, хочу посмотрѣть на сборы нашихъ молодыхъ людей». И точно, въ дортуарахъ все было вверхъ дномъ, вездѣ валялись вещи, чемоданы, ящики,—пахло отъѣздомъ! При выходѣ изъ Лицея государь признательно пожалъ руку Энгельгардту.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, начали разъѣзжаться: прощаньямъ не было конца. Я, больной, дольше всѣхъ оставался въ Лицеѣ. Съ Пушкинымъ мы тутъ же обнялись на разлуку: онъ тотчасъ долженъ былъ ѣхать въ деревню къ роднымъ; я ужъ не засталъ его, когда пріѣхалъ въ Петербургъ.

Снова встрѣтился съ нимъ осенью, уже въ гвардейскомъ конно-артиллерійскомъ мундирѣ. Мы шестеро учились фрунту въ гвардейскомъ образцовомъ батальонѣ; послѣ экзамена, сдѣланнаго намъ Клейнмихелемъ въ этой наукѣ, произведены были въ офицеры высочайшимъ приказомъ 29-го Октября. Между тѣмъ какъ товарищи наши, поступившіе на гражданскую службу, въ Іюнѣ же получили назначеніе; въ томъ числѣ Пушкинъ поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и тотчасъ взялъ отпускъ для свиданія съ родными.

Встрѣча моя съ Пушкинымъ на новомъ нашемъ поприщѣ имѣла свою знаменательность. Пока онъ гулялъ и отдыхалъ въ Михайловскомъ, я уже успѣлъ поступить въ тайное общество: обстоятельства такъ расположили моею судьбой! Еще въ лицейскомъ мундирѣ я былъ частымъ гостемъ артели, которую тогда составляли Муравьевы (Александръ и Михайло), Бурцевъ, Павелъ Колошинъ и Семеновъ. Съ Колошинымъ я былъ въ родствѣ. Постоянныя наши бесѣды о предметахъ общественныхъ, о злѣ существующаго у насъ порядка вещей и о возможности измѣненія, желаемаго многими въ тайнѣ, необыкновенно сблизили меня съ этимъ мыслящимъ кружкомъ: я сдружился съ нимъ, почти жилъ въ немъ. Бурцевъ, которому я больше высказывался, нашелъ, что по мнѣніямъ и убѣжденіямъ моимъ, вынесеннымъ изъ Лицея, я готовъ для дѣла. На этомъ основаніи онъ принялъ въ общество меня и Вольховскаго, который, поступивъ въ гвардейскій генеральный штабъ, сдѣлался

его товарищемъ по службѣ. Бурцевъ тотчасъ узналъ его, понялъ и оцѣнилъ.

Эта высокая цѣль жизни самою своею таинственностью и начертаніемъ новыхъ обязанностей рѣзко и глубоко проникла душу мою; я какъ будто вдругъ получилъ особенное значеніе въ собственныхъ своихъ глазахъ: сталъ внимательнѣе смотрѣть на жизнь во всѣхъ проявленіяхъ буйной молодости, наблюдалъ за собою, какъ за частицей, хотя ничего не значущею, но входящею въ составъ того цѣлаго, которое рано или поздно должно было имѣть благотворное свое дѣйствіе. Первая моя мысль была открыться Пушкину: онъ всегда согласно со мною мыслилъ о дѣлѣ общемъ (res publica), по своему проповѣдывалъ въ нашемъ смыслѣ—и изустно, и письменно, стихами и прозой. Не знаю, къ счастью ли его, или къ несчастію, онъ не былъ тогда въ Петербургѣ, а то не ручаюсь, что въ первыхъ порывахъ, по исключительной дружбѣ моей къ нему я, можетъ быть, увлекъ бы его съ собою. Впослѣдствіи, когда думалось мнѣ исполнить эту мысль, я уже не рѣшался ввѣрить ему тайну, не мнѣ одному принадлежавшую, гдѣ малѣйшая неосторожность могла быть пагубна всему дѣлу. Подвижность пылкаго его нрава, сближеніе съ людьми ненадежными пугали меня. Къ тому же въ 1818 году, когда часть гвардіи была въ Москвѣ по случаю пріѣзда Прусскаго короля, столько было опрометчивыхъ дѣйствій одного члена общества, что признали необходимымъ дѣлать выборъ со всею строгостью, и даже, нѣсколько лѣтъ спустя, объявлено было объ уничтоженіи общества, чтобы тѣмъ удалить неудачно принятыхъ членовъ. На этомъ основаніи я присоединилъ къ союзу одного Рылѣева, не смотря на то, что

всегда былъ окруженъ многими раздѣляющими со мной мой образъ мыслей.

Естественно, что Пушкинъ, увидя меня послѣ первой нашей разлуки, замѣтилъ во мнѣ нѣкоторую перемѣну и началъ подозрѣвать, что я отъ него что-то скрываю. Особенно во время его болѣзни и продолжительнаго выздоровленія, видаясь чаще обыкновеннаго, онъ затруднялъ меня спросами и распросами, отъ которыхъ я, какъ умѣлъ, отдѣлывался, успокоивая его тѣмъ, что онъ лично, безъ всякаго воображаемаго имъ общества, дѣйствуетъ какъ нельзя лучше для благой цѣли: тогда вездѣ ходили по рукамъ, переписывались и читались наизусть его «Деревня», «Ода на свободу», «Ура! Въ Россію скачетъ...» и другія мелочи въ томъ же духѣ. Не было живого человѣка, который не зналъ бы его стиховъ. Нечего и говорить уже о разныхъ его выходкахъ, которыя вездѣ повторялись. Напримѣръ, однажды въ Царскомъ Селѣ Захаржевскаго медвѣженокъ сорвался съ цѣпи отъ столба, на которомъ устроена была его будка, и побѣжалъ въ садъ, гдѣ могъ встрѣтиться глазъ на глазъ, въ темной аллеѣ, съ Императоромъ, если бы на этотъ разъ не встрепенулся его маленькій шарло и не предостерегъ бы отъ этой опасной встрѣчи. Медвѣженокъ, разумѣется, тотчасъ былъ истребленъ, а Пушкинъ при этомъ случаѣ не обинуясь говорилъ: «Нашелся одинъ добрый человѣкъ, да и тотъ медвѣдь»! Такимъ же образомъ онъ во всеуслышаніе въ театрѣ кричалъ: «Теперь самое безопасное время—по Невѣ идетъ ледъ». Въ переводѣ: нечего опасаться крѣпости. Конечно, болтовня эта—вздоръ; но этотъ вздоръ, похожій нѣсколько на поддразниваніе, переходилъ изъ устъ въ уста и порождалъ разные

толки, имѣвшіе дальнѣйшее свое развитіе; слѣдовательно, и тутъ даже нѣкоторымъ образомъ достигалась цѣль, которой онъ несознательно содѣйствовалъ.

Между тѣмъ тотъ же Пушкинъ, либеральный по своимъ воззрѣніямъ, имѣлъ какую-то жалкую привычку измѣнять благородному своему характеру и очень часто сердилъ меня и вообще всѣхъ насъ тѣмъ, что любилъ, напримѣръ, вертѣться у оркестра около Орлова, Чернышева, Киселева и другихъ: они съ покровительственной улыбкой выслушивали его шутки, остроты. Случалось изъ креселъ сдѣлать ему знакъ, онъ тотчасъ прибѣжитъ. Говоришь, бывало: «Что тебѣ за охота, любезный другъ, возиться съ этимъ народомъ; ни въ одномъ изъ нихъ ты не найдешь сочувствія и пр.». Онъ терпѣливо выслушаетъ, начнетъ щекотать, обнимать, что обыкновенно дѣлалъ когда немножко потеряется. Потомъ, смотришъ,—Пушкинъ опять съ тогдашними львами! (анахронизмъ: тогда не существовало еще этого аристократическаго прозвища. Извините!) Странное смѣшеніе въ этомъ великолѣпномъ созданіи! Никогда не переставалъ я любить его; знаю, что и онъ платилъ мнѣ тѣмъ же чувствомъ; но невольно, изъ дружбы къ нему желалось, чтобы онъ наконецъ настоящимъ образомъ взглянулъ на себя и понялъ свое призваніе. Видно впрочемъ, что не могло и не должно было быть иначе; видно, нужна была и эта разработка, коловшая намъ слѣпымъ глаза.

Не заключайте, пожалуйста, изъ этого ворчанья, чтобы я когда-нибудь былъ спартанцемъ, какимъ-нибудь Катономъ; далеко отъ всего этого: всегда шалилъ, дурилъ и кутилъ съ добрымъ товарищемъ. Пушкинъ самъ увѣковѣчилъ это стихами

ко мнѣ, но при всей моей готовности къ разгулу съ нимъ, хотѣлось, чтобъ онъ не переступалъ нѣкоторыхъ границъ и не профанировалъ себя, если можно такъ выразиться, сближеніемъ съ людьми, которые, по ихъ положенію въ свѣтѣ, могли волею и неволею набрасывать на него нѣкотораго рода тѣнь.

Между нами было и не безъ шалостей. Случалось, зайдетъ онъ ко мнѣ. Вмѣсто: «здравствуй», я его спрашиваю: «Отъ нея ко мнѣ, или отъ меня къ ней?» Ужъ и это надо вамъ объяснить, если пустился болтать.

Въ моемъ сосѣдствѣ, на Мойкѣ, жила Анжелика — прелесть-полька!

На прочее завѣса! (Стихъ Пушкина).

Возвратясь однажды съ ученья, я нахожу на письменномъ столѣ развернутый большой листъ бумаги, На этомъ листѣ нарисована перомъ знакомая мнѣ комната, трюмо, двѣ кушетки. На одной изъ кушетокъ сидитъ развалившись претолстая женщина, почти портретъ безобразной тетки нашей Анжелики. У ногъ ея—стриксъ, маленькая несносная собаченка.

Подписано: «Отъ нея ко мнѣ, или отъ меня къ ней?»

Не нужно было спрашивать, кто приходилъ. Кромѣ того я понялъ, что этотъ разъ Пушкинъ и ея не засталъ.

Очень жаль, что этотъ смѣло набросанный очеркъ въ разгромѣ 1825 года не уцѣлѣлъ, какъ нѣкоторыя другія мелочи. Онъ стоилъ того чтобъ его литографировать.

Самое сильное нападенiе Пушкина на меня по поводу общества было когда онъ встрѣтился со мною у Н. И. Тургенева, гдѣ тогда собрались всѣ желавшiе участвовать въ предполагаемомъ изданiи политическаго журнала. Тутъ между прочими, были Куницынъ и нашъ лицейскiй товарищъ Масловъ. Мы сидѣли кругомъ большого стола. Масловъ читалъ статью свою о статистикѣ. Въ это время я слышу, что кто-то сзади беретъ меня за плечо. Оглядываюсь—Пушкинъ! «Ты что здѣсь дѣлаешь? Наконецъ поймалъ тебя на самомъ дѣлѣ», шепнулъ онъ мнѣ на ухо и прошелъ дальше. Кончилось чтенiе. Мы встали. Подхожу къ Пушкину, здороваюсь съ нимъ; подали чай, мы закурили сигарки и сѣли въ уголокъ.

«Какъ же ты мнѣ никогда не говорилъ, что знакомъ съ Николаемъ Ивановичемъ? Вѣрно, это ваше общество въ сборѣ? Я совершенно нечаянно зашелъ сюда, гуляя въ Лѣтнемъ саду. Пожалуйста, не секретничай; право, любезный другъ, это ни на что не похоже!»

Мнѣ и на этотъ разъ легко было безъ большого обмана доказать ему, что это совсѣмъ не собранiе общества, имъ отыскиваемаго, что онъ можетъ спросить Маслова, и что я самъ тутъ совершенно неожиданно. «Ты знаешь, Пушкинъ, что я отнюдь не литераторъ, и вѣроятно, удивляешься, что я попалъ нѣкоторымъ образомъ въ сотрудники журнала. Между тѣмъ это очень просто, какъ сейчасъ самъ увидишь. На дняхъ былъ у меня Николай Тургеневъ; разговорились мы съ нимъ о необходимости и пользѣ изданiя въ возможно свободномъ направленiи; тогда это была преобладающая его мысль. Увидѣлъ онъ у меня на столѣ недавно появившуюся книгу m-me Stael:

«Considérations sur la Révolution francaise» и совѣтовалъ мнѣ попробовать написать что-нибудь объ ней и изъ нея. Тутъ же пригласилъ меня въ этотъ день вечеромъ быть у него,—вотъ я и здѣсь!»

Не знаю настоящимъ образомъ, до какой степени это объясненіе, совершенно справедливое, удовлетворило Пушкина; только вслѣдъ за этимъ у насъ перемѣнился разговоръ, и мы вошли въ общій кругъ. Глядя на него, я долго думалъ: не долженъ ли я въ самомъ дѣлѣ предложить ему соединиться съ нами? Отъ него зависѣло принять или отвергнуть мое предложеніе. Между тѣмъ, тутъ же невольно являлся вопросъ: почему же, помимо меня никто изъ близко знакомыхъ ему старшихъ нашихъ членовъ не думалъ объ немъ? Значитъ, ихъ останавливало то же, что меня пугало: образъ его мыслей всѣмъ хорошо былъ извѣстенъ, но не было полнаго къ нему довѣрія.

Преслѣдуемый мыслію, что у меня есть тайна отъ Пушкина, и что, можетъ быть, этимъ самымъ я лишаю общество полезнаго дѣятеля, почти рѣшался броситься къ нему и все высказать, зажмуря глаза на послѣдствія. Въ постоянной этой борьбѣ съ самимъ собою, какъ нарочно, вскорѣ случилось мнѣ встрѣтить Сергѣя Львовича на Невскомъ проспектѣ.

«Какъ вы Сергѣй Львовичъ? Что нашъ Александръ?»

«Вы когда его видѣли?»

«Нѣсколько дней тому назадъ у Тургенева».

Я замѣтилъ, что Сергѣй Львовичъ что-то мраченъ.

«Je n'ai rien de mieux à faire que de me mettre en quatre pour rétablir la réputation de mon cher fils. Видно, вы не знаете послѣднюю его проказу».

Тутъ разсказалъ мнѣ что-то, право, не помню, что именно, да и припоминать не хочется.

«Забудьте этотъ вздоръ, почтенный Сергѣй Львовичъ! Вы знаете, что Александру многое можно простить, онъ окупаетъ свои шалости неотъемлемыми достоинствами, которыхъ нельзя не любить».

Отецъ пожалъ мнѣ руку и продолжалъ свой путь.

Я задумался и, признаюсь, эта встрѣча, совершенно случайная произвела свое впечатлѣніе: мысль о принятіи Пушкина изчезла изъ моей головы. Я страдалъ за него, и подъ часъ мнѣ опять казалось, что, можетъ быть, тайное общество сокровеннымъ своимъ клеймомъ поможетъ ему повнимательнѣе и построже взглянуть на самого себя, сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ ненормальномъ своемъ быту. Я зналъ, что онъ иногда скорбѣлъ о своихъ промахахъ, обличалъ ихъ въ близкихъ нашихъ откровенныхъ бесѣдахъ, но видно, не пришла еще пора кипучей его природѣ угомониться. Какъ ни вертѣлъ я все это въ умѣ и сердцѣ, кончилъ тѣмъ, что созналъ себя не въ правѣ дѣйствовать по личному шаткому воззрѣнію, безъ полнаго убѣжденія, въ дѣлѣ, отвѣтственномъ предъ цѣлію самаго союза.

Послѣ этого мы какъ-то не часто видѣлись. Кругъ знакомства нашего былъ совершенно розный. Пушкинъ кружился въ большомъ свѣтѣ, а я былъ какъ можно подальше отъ него. Лѣтомъ маневры и другія служебныя занятія увлекали меня изъ Петербурга. Все это однако не мѣшало намъ, при всякой возможности, встрѣчаться съ прежнею дружбой и радоваться нашимъ встрѣчамъ у лицейской братіи, которой уже немного

оставалось въ Петербургѣ; большею частью свиданія мои съ Пушкинымъ были у домосѣда Дельвига.

Въ генварѣ 1820 года я долженъ былъ ѣхать въ Бессарабію къ больной тогда замужней сестрѣ моей. Проживъ въ Кишиневѣ и Аккерманѣ почти четыре мѣсяца, въ Маѣ возвращался съ нею, уже здоровою въ Петербургъ. Бѣлорусскій трактъ ужасно скученъ. Не встрѣчая никого на станціяхъ, я обыкновенно заглядывалъ въ книгу для записыванія подорожныхъ и тамъ искалъ проѣзжихъ. Вижу разъ, что наканунѣ проѣхалъ Пушкинъ въ Екатеринославъ. Спрашиваю смотрителя «Какой это Пушкинъ?» Мнѣ и въ мысль не приходило, что это можетъ быть Александръ. Смотритель говоритъ, что это поэтъ Александръ Сергѣевичъ, ѣдетъ, кажется, на службу, на перекладной, въ красной русской рубашкѣ, въ опояскѣ, въ поярковой шляпѣ. (Время было ужасно жаркое). Я тутъ ровно ничего не понималъ; живя въ Бессарабіи, никакихъ извѣстій о нашихъ лицейскихъ не имѣлъ. Это меня озадачило. Въ Могилевѣ, на станціи, встрѣчаю фельдъегеря, разумѣется, тотчасъ спрашиваю его: не знаетъ ли онъ чего-нибудь о Пушкинѣ. Онъ ничего не могъ сообщить мнѣ объ немъ, а разсказалъ только, что за нѣсколько дней до его выѣзда, сгорѣлъ въ Царскомъ Селѣ Лицей, остались однѣ стѣны, и воспитанниковъ помѣстили во флигелѣ. Все это вмѣстѣ заставило меня нетерпѣливо желать скорѣй добраться до столицы. Тамъ, послѣ служебныхъ формальностей я пустился разузнавать объ Александрѣ. Узнаю, что въ одно прекрасное утро пригласилъ его полицеймейстеръ къ графу

Милорадовичу, тогдашнему Петербургскому военному генералъ-губернатору. Когда привезли Пушкина, Милорадовичъ приказываетъ полицеймейстеру ѣхать въ его квартиру и опечатать всѣ бумаги. Пушкинъ слыша это приказаніе, говоритъ ему: «Графъ, вы напрасно это дѣлаете. Тамъ не найдете того, что ищете. Лучше велите дать мнѣ перо и бумаги, я здѣсь же все вамъ напишу». (Пушкинъ понялъ, въ чемъ дѣло). Милорадовичъ, тронутый этою свободною откровенностью, торжественно воскликнулъ: «Ah, c'est chevaleresque!» и пожалъ ему руку.

Пушкинъ сѣлъ, написалъ всѣ контрабандные свои стихи и попросилъ дежурнаго адъютанта отнести ихъ графу въ кабинетъ. Послѣ этого подвига, Пушкина отпустили домой и велѣли ждать дальнѣйшаго приказанія.

Вотъ все, что я дознадъ въ Петербургѣ. Ѣду потомъ въ Царское Село къ Энгельгардту, обращаюсь къ нему съ тѣмъ же тревожнымъ вопросомъ.

Директоръ разсказалъ мнѣ, что Государь (это было послѣ того, какъ Пушкина уже призывали къ Милорадовичу, чего Энгельгардтъ до свиданія съ царемъ и не зналъ) встрѣтилъ его въ саду и пригласилъ съ нимъ пройтись.

«Энгельгардтъ»,—сказалъ ему Государь,—«Пушкина надобно сослать въ Сибирь: онъ наводнилъ Россію возмутительными стихами; вся молодежь наизусть ихъ читаетъ. Мнѣ нравится откровенный его поступокъ съ Милорадовичемъ; но это не исправляетъ дѣла».

Директоръ на это отвѣтилъ: «Воля Вашего Величества, но вы мнѣ простите, если я позволю себѣ сказать слово за бывшаго моего воспитанника; въ немъ развивается необыкно-

венный талантъ, который требуетъ пощады. Пушкинъ теперь уже—краса современной нашей литературы, а впереди еще бо̀льшія на него надежды. Ссылка можетъ губительно подѣйствовать на пылкій нравъ молодого человѣка. Я думаю, что великодушіе ваше, Государь, лучше вразумитъ его».

Не знаю, вслѣдствіе ли этого разговора, только Пушкинъ не былъ сосланъ, а командированъ отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ состоялъ на службѣ, къ генералу Инзову, начальнику колоній южнаго края. Проѣзжай Пушкинъ сутками позже, до поворота на Екатеринославъ, я встрѣтилъ бы его дорогой, и какъ отрадно было бы обнять его въ такую минуту! Видно, намъ суждено было только одинъ разъ еще повидаться, и то не прежде 1825 года.

Въ промежутокъ этихъ пяти лѣтъ генерала Инзова назначили намѣстникомъ Бессарабіи; съ нимъ Пушкинъ переѣхалъ изъ Екатеринослава въ Кишиневъ, впослѣдствіи оттуда поступилъ въ Одессу къ графу Воронцову по особымъ порученіямъ. Я между тѣмъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, сбросилъ конно-артиллерійскій мундиръ и преобразился въ судьи уголовнаго департамента московскаго надворнаго суда. Переходъ рѣзкій, имѣвшій впрочемъ тогда свое значеніе.

Князь Юсуповъ (во главѣ тѣхъ, про которыхъ Грибоѣдовъ въ «Горе отъ ума» сказалъ: «Что̀ за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!»), видя на балѣ у Московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Голицына неизвѣстное ему лицо, танцующее съ его дочерью (онъ зналъ, хоть по фамиліи, всю московскую

публику), спрашиваетъ Зубкова: кто этотъ молодой человѣкъ? Зубковъ называетъ меня и говоритъ, что я—надворный судья.

«Какъ! Надворный судья танцуетъ съ дочерью генералъ-губернатора? Эта вещь небывалая, тутъ кроется что-нибудь необыкновенное».

Юсуповъ — не пророкъ, а угадчикъ, и точно, на другой годъ ни я, ни многіе другіе уже не танцовали въ Москвѣ.

Въ 1824 году въ Москвѣ тотчасъ же узналось, что Пушкинъ изъ Одессы сосланъ на жительство въ псковскую деревню отца своего, подъ надзоръ мѣстной власти; надзоръ этотъ былъ порученъ Пещурову, тогдашнему предводителю дворянства Опочковскаго уѣзда. Всѣ мы, огорченные несомнѣннымъ этимъ извѣстіемъ, терялись въ предположеніяхъ. Не зная ничего положительнаго, приписывали эту ссылку бывшимъ тогда неудовольствіямъ между нимъ и графомъ Воронцовымъ. Были разнообразные слухи и толки, замѣшивали даже въ это дѣло и графиню. Все это нисколько не утѣшало насъ. Потомъ вскорѣ стали говорить, что Пушкинъ въ добавокъ отданъ подъ наблюденіе архимандрита Святогорскаго монастыря, въ четырехъ верстахъ отъ Михайловскаго. Это дополнительное свѣдѣніе дѣлало намъ задачу еще сложнѣе, нисколько не разрѣшая ея.

Съ той минуты, какъ я узналъ, что Пушкинъ въ изгнаніи, во мнѣ зародилась мысль непремѣнно навѣстить его. Собираясь на Рождество въ Петербургъ для свиданія съ родными, я предположилъ съѣздить и въ Псковъ къ сестрѣ Набоковой; мужъ ея командовалъ тогда дивизіей, которая тамъ стояла,

а оттуда уже рукой подать въ Михайловское. Вслѣдствіе этой программы я подалъ въ отпускъ на 28 дней въ Петербургскую и Псковскую губерніи.

Передъ отъѣздомъ, на вечерѣ у того же князя Голицына, встрѣтился я съ А. И. Тургеневымъ, который не задолго до того пріѣхалъ въ Москву. Я подсѣлъ къ нему и спрашиваю: не имѣетъ ли онъ какихъ-нибудь порученій къ Пушкину, потому что я въ Генварѣ буду у него. «Какъ! Вы хотите къ нему ѣхать? Развѣ не знаете, что онъ подъ двойнымъ надзоромъ—и полицейскимъ, и духовнымъ?» «Все это знаю; но знаю также, что нельзя не навѣстить друга послѣ пятилѣтней разлуки въ теперешнемъ его положеніи, особенно когда буду отъ него съ небольшимъ въ ста верстахъ. Если не пустятъ къ нему, уѣду назадъ». «Не совѣтовалъ бы, впрочемъ дѣлайте, какъ знаете», прибавилъ Тургеневъ.

Опасенія добраго Александра Ивановича меня удивили, и оказалось, что они были совершенно напрасны. Почти тѣ же предостереженія выслушалъ я отъ В. Л. Пушкина, къ которому заѣзжалъ проститься и сказать, что увижу его племянника. Со слезами на глазахъ, дядя просилъ расцѣловать его.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано.

Проведя праздникъ у отца въ Петербургѣ, послѣ Крещенія я поѣхалъ въ Псковъ. Погостилъ у сестры нѣсколько дней и отъ нея вечеромъ пустился изъ Пскова; въ Островѣ, проѣздомъ ночью, взялъ три бутылки клико и къ утру слѣдующаго дня уже приближался къ желаемой цѣли. Свернули мы нако-

нецъ съ дороги въ сторону, мчались среди лѣса по гористому проселку: все мнѣ казалось не довольно скоро. Спускаясь съ горы, недалеко уже отъ усадьбы, которой за частыми соснами нельзя было видѣть, сани наши въ ухабѣ такъ наклонились на бокъ, что ямщикъ слетѣлъ. Я съ Алексѣемъ, неизмѣннымъ моимъ спутникомъ отъ лицейскаго порога до воротъ крѣпости, кой-какъ удержался въ саняхъ. Схватили возжи. Кони несутъ среди сугробовъ, опасности нѣтъ: въ сторону не бросятся, все лѣсъ, и снѣгъ имъ по брюхо, править не нужно. Скачемъ опять въ гору извилистою тропой; вдругъ крутой поворотъ, и какъ будто неожиданно вломились съ маху въ притворенные ворота, при громѣ колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и засѣли въ снѣгу не разчищеннаго двора...

Я оглядываюсь: вижу на крыльцѣ Пушкина, босикомъ, въ одной рубашкѣ, съ поднятыми вверхъ руками. Не нужно говорить, что̀ тогда во мнѣ происходило. Выскакиваю изъ саней, беру его въ охапку и тащу въ комнату. На дворѣ страшный холодъ, но въ иныя минуты человѣкъ не простужается. Смотримъ другъ на друга, цѣлуемся, молчимъ. Онъ забылъ, что надобно прикрыть наготу, я не думалъ объ заиндевѣвшей шубѣ и шапкѣ. Было около восьми часовъ утра. Не знаю, что̀ дѣлалось. Прибѣжавшая старуха застала насъ въ объятіяхъ другъ друга въ томъ самомъ видѣ, какъ мы попали въ домъ: одинъ— почти голый, другой — весь забросанный снѣгомъ. Наконецъ пробила слеза (она и теперь, черезъ тридцать-три года, мѣшаетъ писать въ очкахъ), мы очнулись. Совѣстно стало передъ этою женщиной, впрочемъ она все поняла. Не знаю, за кого приняла меня, только ничего не спрашивая, бросилась обни-

мать. Я тотчасъ догадался, что это добрая его няня, столько разъ имъ воспѣтая—чуть не задушилъ ея въ объятіяхъ.

Все это происходило на маленькомъ пространствѣ. Комната Александра была возлѣ крыльца, съ окномъ на дворъ, черезъ которое онъ увидѣлъ меня, услышавъ колокольчикъ. Въ этой небольшой комнатѣ помѣщалась кровать его съ пологомъ, письменный столъ, диванъ, шкафъ съ книгами, и проч., и проч. Во всемъ поэтическій безпорядокъ, вездѣ разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожженные кусочки перьевъ (онъ всегда съ самаго Лицея писалъ оглодками, которые едва можно было держать въ пальцахъ). Входъ къ нему прямо изъ корридора; противъ его двери — дверь въ комнату няни, гдѣ стояло множество пяльцевъ.

Послѣ первыхъ нашихъ обниманій пришелъ и Алексѣй, который въ свою очередь кинулся цѣловать Пушкина; онъ не только близко зналъ и любилъ поэта, но и читалъ наизусть многіе изъ его стиховъ. Я между тѣмъ приглядывался, гдѣ бы умыться и хоть сколько-нибудь оправиться. Дверь во внутреннія комнаты была заперта, домъ не топленъ. Кой-какъ все это тутъ же уладили, копошась среди отрывистыхъ вопросовъ: что? какъ? гдѣ? и пр. Вопросы большею частью не ожидали отвѣтовъ. Наконецъ помаленьку прибрались; подали намъ кофе; мы усѣлись съ трубками. Бесѣда пошла правильнѣе; многое надо было хронологически разсказать, о многомъ распросить другъ друга. Теперь не берусь всего этого передать.

Вообще Пушкинъ показался мнѣ нѣсколько серьёзнѣе прежняго, сохраняя однако жъ туже веселость; можетъ быть, самое положеніе его произвело на меня это впечатлѣніе. Онъ, какъ

дитя, былъ радъ нашему свиданію, нѣсколько разъ повторялъ, что ему еще не вѣрится, что мы вмѣстѣ. Прежняя его живость во всемъ проявлялась, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ воспоминаніи: имъ не было конца въ неумолкаемой нашей болтовнѣ. Наружно онъ мало перемѣнился, обросъ только бакенбардами; я нашелъ, что онъ тогда былъ очень похожъ на тотъ портретъ, который потомъ видѣлъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* и теперь при изданіи его сочиненій П. В. Анненковымъ.

Пушкинъ самъ не зналъ настоящимъ образомъ причины своего удаленія въ деревню; онъ приписывалъ удаленіе изъ Одессы кознямъ графа Воронцова *изъ ревности*; думалъ даже, что тутъ могли дѣйствовать нѣкоторыя смѣлыя его бумаги по службѣ, эпиграммы на управленіе и неосторожные частые его разговоры о религіи. Мнѣ показалось, что онъ вообще неохотно объ этомъ говорилъ; я это заключилъ по лаконическимъ отрывистымъ его отвѣтамъ на нѣкоторые мои спросы, и потому я его просилъ оставить эту статью, тѣмъ болѣе, что всѣ наши толкованія ни къ чему не вели, а только отклоняли насъ отъ другой, близкой намъ бесѣды. Замѣтно было, что ему какъ будто нѣсколько наскучила прежняя шумная жизнь, въ которой онъ частенько терялся. Среди разговора ex abrupto онъ спросилъ меня: что объ немъ говорятъ въ Петербургѣ и Москвѣ? При этомъ вопросѣ разсказалъ мнѣ, будто бы Императоръ Александръ ужасно перепугался, найдя его фамилію въ запискѣ коменданта о пріѣзжихъ въ столицу, и тогда только успокоился, когда убѣдился, что не онъ пріѣхалъ, а братъ его Левушка. На это я ему отвѣтилъ, что онъ совершенно напрасно мечтаетъ о политическомъ своемъ значеніи, что врядъ ли кто-ни-

будь на него смотритъ съ этой точки зрѣнія, что вообще читающая наша публика благодаритъ его за всякій литературный подарокъ, что стихи его пріобрѣли народность во всей Россіи, и наконецъ, что близкіе и друзья помнятъ и любятъ его, желая искренно, чтобъ скорѣе кончилось его изгнаніе. Онъ терпѣливо выслушалъ меня и сказалъ, что нѣсколько примирился въ эти четыре мѣсяца съ новымъ своимъ бытомъ, въ началѣ очень для него тягостнымъ; что тутъ, хотя невольно, но все-таки отдыхаетъ отъ прежняго шума и волненія; съ музой живетъ въ ладу и трудится охотно и усердно. Скорбѣлъ только, что съ нимъ нѣтъ сестры его, но что, съ другой стороны, никакъ не согласится, чтобъ она по привязанности къ нему проскучала цѣлую зиму въ деревнѣ. Хвалилъ своихъ сосѣдей въ Тригорскомъ, хотѣлъ даже везти меня къ нимъ, но я отговорился тѣмъ, что пріѣхалъ на такое короткое время, что не успѣю и на него самого наглядѣться. Среди всего этого много было шутокъ, анекдотовъ, хохоту отъ полноты сердечной. Уцѣлѣли бы всѣ эти дорогія подробности, если бы тогда при насъ былъ стенографъ.

Пушкинъ заставилъ меня разсказать ему про всѣхъ нашихъ первокурсныхъ Лицея; потребовалъ объясненія, какимъ образомъ изъ артиллериста я преобразился въ судьи. Это было ему по сердцу, онъ гордился мною и за меня! Вотъ его строфы изъ «Годовщины 19-го октября» 1825 года, гдѣ онъ вспоминаетъ, сидя одинъ, наше свиданіе и мое судейство:

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,

Мнѣ сладкая готовилась отрада.

. . . .

. . . . Поэта домъ опальный,
О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его Лицея превратилъ.

. . . .

Ты освятилъ тобой избранный санъ;
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтеніе гражданъ.

Незамѣтно коснулись опять подозрѣній на счетъ общества. Когда я ему сказалъ, что не я одинъ поступилъ въ это новое служеніе отечеству, онъ вскочилъ со стула и вскрикнулъ: «Вѣрно, все это въ связи съ маіоромъ Раевскимъ, котораго пятый годъ держатъ въ Тираспольской крѣпости и ничего не могутъ вы-пытать». Потомъ успокоившись, продолжалъ: «Впрочемъ я не заставляю тебя, любезный Пущинъ, говорить. Можетъ быть, ты и правъ, что мнѣ не довѣряешь. Вѣрно, я этого довѣрія не стою,—по многимъ моимъ глупостямъ». Молча, я крѣпко расцѣловалъ его; мы обнялись и пошли ходить: обоимъ нужно было вздохнуть. Вошли въ нянину комнату, гдѣ собрались уже швеи. Я тотчасъ замѣтилъ между ними одну фигурку, рѣзко отличавшуюся отъ другихъ, не сообщая однако Пушкину моихъ заключеній. Я невольно смотрѣлъ на него съ какимъ-то новымъ чувствомъ, порожденнымъ исключительнымъ положеніемъ: оно высоко ставило его въ моихъ глазахъ, и я боялся оскорбить его какимъ-нибудь неумѣстнымъ замѣчаніемъ. Впрочемъ онъ тотчасъ прозрѣлъ шаловливую мою мысль, улыбнулся значительно. Мнѣ ничего больше не нужно было; я, въ свою

Время не стояло. Къ несчастію, вдругъ запахло угаромъ. У меня собачье чутье, и голова моя не выноситъ угара. Тотчасъ же я отправился узнавать, откуда эта бѣда, неожиданная въ такую пору дня. Вышло, что няня, воображая, что я останусь погостить, велѣла въ другихъ комнатахъ затопить печи, которыя съ самаго начала зимы не топились. Когда закрыли трубы,—хоть бѣги изъ дому! Я тотчасъ распорядился за беззаботнаго сына въ отцовскомъ домѣ: велѣлъ открыть трубы, заперъ на замокъ дверь въ натопленныя комнаты, притворилъ и нашу дверь, а форточку открылъ. Все это непріятно на меня подѣйствовало, не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи. «Какъ»,—подумалъ я,—«хоть въ этомъ не успокоить его, какъ не устроить такъ, чтобъ ему, бѣдному поэту, было гдѣ подвигаться въ зимнее ненастье!» Въ залѣ былъ бильярдъ; это могло бы служить для него развлеченьемъ. Въ порывѣ досады я даже упрекнулъ няню, зачѣмъ она не велитъ отапливать всего дома. Видно однако мое ворчанье имѣло нѣкоторое дѣйствіе, потому что послѣ моего посѣщенія перестали экономить дровами. Г-нъ Анненковъ въ біографіи Пушкина говоритъ, что онъ иногда одинъ игралъ въ два шара на биліардѣ. Вѣдь не лѣтомъ же онъ этимъ забавлялся, находя приволье на Божьемъ воздухѣ, среди полей и лѣсовъ, которые любилъ съ дѣтства. Я не могъ познакомиться съ мѣстностью Михайловскаго, такъ живо имъ воспѣтой: она тогда была закутана снѣгомъ.

Между тѣмъ время шло за полночь. Намъ подали закусить; на прощанье хлопнула третья пробка. Мы крѣпко обнялись— въ надеждѣ, можетъ быть, скоро свидѣться въ Москвѣ. Шат-

кая эта надежда облегчала разставанье послѣ такъ отрадно промелькнувшаго дня. Ямщикъ уже запрегъ лошадей, колоколецъ брякалъ у крыльца, на часахъ ударило три. Мы еще чокнулись стаканами, но грустно пилось: какъ будто чувствовалось, что послѣдній разъ вмѣстѣ пьемъ, и пьемъ на вѣчную разлуку! Молча я набросилъ на плечи шубу и убѣжалъ въ сани. Пушкинъ еще что-то говорилъ мнѣ вслѣдъ; ничего не слыша, я глядѣлъ на него: онъ остановился на крыльцѣ, со свѣчей въ рукѣ. Кони рванули подъ гору. Послышалось: «Прощай, другъ!» Ворота скрыпнули за мною...

Сцена перемѣнилась. Я осужденъ: 1828 года, 5-го генваря, привезли меня изъ Шлиссельбурга въ Читу, гдѣ я соединился наконецъ съ товарищами моего изгнанія и заточенія, прежде меня прибывшими въ тамошній острогъ. Что дѣлалось съ Пушкинымъ въ эти годы моего странствованія по разнымъ мытарствамъ, я рѣшительно не знаю; знаю только и глубоко чувствую, что Пушкинъ первый встрѣтилъ меня въ Сибири задушевнымъ словомъ. Въ самый день моего пріѣзда въ Читу призываетъ меня къ частоколу А. Г. Муравьева и отдаетъ листокъ бумаги, на которомъ неизвѣстною рукой написано было:

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный.
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье:
Да голосъ мой душѣ твоей

Даруетъ тоже утѣшенье,
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней!

Псковъ. 13-го декабря 1826.

Отрадно отозвался во мнѣ голосъ Пушкина! Преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не могъ обнять его, какъ онъ меня обнималъ, когда я первый посѣтилъ его въ изгнаніи. Увы, я не могъ даже пожать руку той женщины, которая такъ радостно спѣшила утѣшить меня воспоминаніемъ друга; но она поняла мое чувство безъ всякаго внѣшняго проявленія, нужнаго, можетъ быть, другимъ людямъ и при другихъ обстоятельствахъ; а Пушкину, вѣрно, тогда не разъ икнулось. Наскоро, черезъ частоколъ, Александра Григорьевна проговорила мнѣ, что получила этотъ листокъ отъ одного своего знакомаго предъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга, хранила его до свиданія со мною и рада, что могла наконецъ исполнить порученное поэтомъ. По пріѣздѣ моемъ въ Тобольскъ въ 1839-мъ году я послалъ эти стихи къ Плетневу; такимъ образомъ были они напечатаны; а въ 1842-мъ братъ мой Михаилъ отыскалъ въ Псковѣ самый подлинникъ Пушкина, который теперь хранится у меня въ числѣ завѣтныхъ моихъ сокровищъ.

Въ своеобразной нашей тюрьмѣ я слѣдилъ съ любовью за постепеннымъ литературнымъ развитіемъ Пушкина; мы наслаждались всѣми его произведеніями, являвшимися въ свѣтъ, получая почти всѣ повременные журналы. Въ письмахъ родныхъ и Энгельгардта, умѣвшаго найти меня и за Байкаломъ, я не разъ имѣлъ о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Бывшій нашъ директоръ прислалъ мнѣ его стихи «19-го октября 1827 года»:

Богъ помощь вамъ, друзья мои,
Въ заботахъ жизни, царской службы,
И на пирахъ разгульной дружбы,
И въ сладкихъ таинствахъ любви!

Богъ помощь вамъ, друзья мои,
И въ счастьѣ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ странѣ чужой, въ пустынномъ морѣ
И въ темныхъ пропастяхъ земли!

И въ эту годовщину въ кругу товарищей-друзей Пушкинъ вспомнилъ меня и Вильгельма, заживо погребенныхъ, которыхъ они не досчитывали на лицейской сходкѣ.

Впослѣдствіи узналъ я объ его женитьбѣ и камеръ-юнкерствѣ; и то, и другое какъ-то худо укладывалось во мнѣ: я не умѣлъ представить себѣ Пушкина семьяниномъ и царедворцемъ; жена-красавица и придворная служба пугали меня за него. Все это вмѣстѣ, по моимъ понятіямъ объ немъ, не обѣщало упрочить его счастіе.

Проходили годы; ничѣмъ отраднымъ не навѣвало въ нашу даль—*тамъ*, на нашемъ Западѣ все шло тѣмъ же тяжелымъ ходомъ. Мы, грѣшные люди, стояли какъ поверстные столбы на большой дорогѣ: иные путники можетъ быть иногда и взглядывали, но продолжали путь тѣмъ же шагомъ и въ томъ же направленіи...

Между тѣмъ у насъ, съ теченіемъ времени, силою самыхъ обстоятельствъ, устроились болѣе смѣлыя контрабандныя сношенія съ Европейской Россіей—кой-когда доходили до насъ не

одни *газетныя* извѣстія. Такимъ образомъ въ генварѣ 1837 года, возвратившійся изъ отпуска нашъ плацъ-адъютантъ Розенбергъ зашелъ въ мой 14-ый номеръ. Я искренно обрадовался и забросалъ его распросами о родныхъ и близкихъ, которыхъ ему случилось видѣть въ Петербургѣ. Отдавъ мнѣ отчетъ на мои вопросы, онъ съ какою-то нерѣшительностью упомянулъ о Пушкинѣ. Я тотчасъ ухватился за это дорогое мнѣ имя: гдѣ онъ съ нимъ встрѣтился? какъ онъ поживаетъ? и пр.—Розенбергъ выслушалъ меня въ раздумьѣ, и наконецъ сказалъ: Нечего отъ васъ скрывать. Друга вашего нѣтъ! онъ раненъ на дуэлѣ Дантесомъ и черезъ двое сутокъ умеръ; я былъ при отпѣваньи его тѣла въ Конюшенной церкви, наканунѣ моего выѣзда изъ Петербурга.

Слушая этотъ горькій разсказъ, я сначала рѣшительно какъ будто не понималъ словъ разсказчика, такъ далека отъ меня была мысль, что Пушкинъ долженъ умереть во цвѣтѣ лѣтъ, среди живыхъ на него надеждъ. Это былъ для меня громовой ударъ изъ безоблачнаго неба—ошаломило меня, а вся скорбь не вдругъ сказалась на сердцѣ. — Вѣсть эта электрической искрой сообщилась въ тюрьмѣ—во всѣхъ кружкахъ только и рѣчи было что о смерти Пушкина—объ общей нашей потерѣ: но въ итогѣ выходило одно, что его не стало, и что не воротить его!—Провидѣніе такъ рѣшило; намъ остается смиренно благоговѣть предъ его опредѣленіемъ. Не стану бесѣдовать съ вами объ этомъ народномъ горѣ, тогда несказанно меня поразившемъ: оно слишкомъ тѣсно связано съ жгучими оскорбленіями, которыя невыразимо должны были отравлять послѣдніе мѣсяцы жизни Пушкина. Другимъ, лучше меня—далекаго, из-

вѣстны гнусныя обстоятельства породившія дуэль; съ своей стороны скажу только, что я не могъ безъ особеннаго отвращенія объ нихъ слышать, меня возмущали лица дѣйствовавшія и подозрѣваемыя въ участіи по этому гадкому дѣлу, подсѣкшему существованіе величайшаго изъ поэтовъ. (II).

Размышляя тогда, и теперь очень часто, о ранней смерти друга, не разъ я задавалъ себѣ вопросъ: «Что было бы съ Пушкинымъ, если бы я привлекъ его въ нашъ союзъ и если бы пришлось ему испытать жизнь, совершенно иную отъ той, которая пала на его долю»?.

Вопросъ дерзкій, но мнѣ можетъ быть простительный!—Вы видѣли внутреннюю мою борьбу всякій разъ, когда, сознавая его податливую готовность, приходила мнѣ мысль принять его въ члены тайнаго нашего общества; видѣли, что почти уже на волоскѣ висѣла его участь, въ то время, когда я случайно встрѣтился съ его отцомъ. Эта и пустая и совершенно ничего незначущая встрѣча, между тѣмъ высказалась во мнѣ какимъ-то знаменательнымъ указаніемъ... Только послѣ смерти его, всѣ эти повидимому ничтожныя обстоятельства, приняли, въ глазахъ моихъ, видъ явнаго дѣйствія Промысла, который спасая его отъ нашей судьбы, сохранилъ поэта для славы Россіи.

Положительно, сибирская жизнь, та, на которую, въ послѣдствіи, мы были обречены въ теченіе тридцати лѣтъ, если бъ и не вовсе изсушила его могучій талантъ, то далеко не дала бы ему возможности достичь того развитія, которое, къ несчастью и въ другой сферѣ жизни, несвоевременно было прервано.—Характеристическая черта генія Пушкина—разнообразіе. Не было почти явленія въ природѣ, событія въ общественной

жизни, которыя бы прошли мимо его, не вызвавъ дивныхъ и неподражаемыхъ звуковъ его музы; и поэтому просторъ и свобода, для всякаго человѣка безцѣнные, для него были сверхъ того могущественнѣйшими вдохновителями. Въ нашемъ же тѣсномъ и душномъ заточеніи, природу можно было видѣть только черезъ желѣзныя рѣшетки, а о жизни людей развѣ только слышать—Пушкинъ при всей своей воспріимчивости, никакъ не нашелъ бы тамъ матеріаловъ, которыми онъ пользовался на поприщѣ общественной жизни.—Можетъ быть, и самый рѣзкій переломъ въ существованіи, который далеко не всѣ могутъ выдержать, пагубно отозвался бы на его своеобразномъ, чтобы не сказать капризномъ существѣ.

Однимъ словомъ въ грустныя минуты, я утѣшалъ себя тѣмъ, что поэтъ не умираетъ, и что Пушкинъ мой всегда живъ для тѣхъ, кто какъ я его любилъ, и для всѣхъ умѣющихъ отыскивать его, живого, въ безсмертныхъ его твореніяхъ...

Еще пара словъ:

Манифестомъ 26 августа 1856 года я возвращенъ изъ Сибири. Въ Нижнемъ-Новгородѣ я посѣтилъ Даля (онъ провелъ съ Пушкинымъ послѣднюю ночь). У него я видѣлъ Пушкина прострѣленный сюртукъ. Даль хочетъ принести его въ даръ Академіи или Публичной Библіотекѣ.

Въ Петербургѣ навѣщалъ меня, больного, Константинъ Данзасъ. Много говорилъ я о Пушкинѣ съ его секундантомъ. Онъ между прочимъ разсказалъ мнѣ, что разъ какъ-то, во время послѣдней его болѣзни, пріѣхала І. К. Глинка, сестра Кюхель-

бекера; но тогда ставили ему піявки. Пушкинъ прося поблагодарить ее за участіе, извинялся, что не можетъ принять. Вскорѣ потомъ, со вздохомъ проговорилъ: «Какъ жаль, что нѣтъ теперь здѣсь ни Пушкина ни Малиновскаго!»

Вотъ послѣдній вздохъ Пушкина обо мнѣ. Этотъ предсмертный голосъ друга дошелъ до меня слишкомъ черезъ 20-ть лѣтъ!..

Имъ кончаю и разсказъ мой.

И. П.

Село Марьино.
Августъ 1858.

Примѣчанія.

I. Случайно довелось мнѣ недавно видѣть копію съ переписки гр. Нессельроде съ гр. Воронцовымъ, вслѣдствіе которой Пушкинъ былъ сосланъ изъ Одессы на жительство въ деревню отца. Поводомъ къ этой перепискѣ, безъ сомнѣнія, было перехваченное на почтѣ письмо Пушкина, но кому именно писанное— мнѣ неизвѣстно; хотя объ этомъ письмѣ Нессельроде и не упоминаетъ, а просто пишетъ, что по дошедшимъ до Императора свѣдѣніямъ о поведеніи и образѣ жизни Пушкина въ Одессѣ, Его Вел. находитъ, что пребываніе въ этомъ шумномъ городѣ для молодого человѣка во многихъ отношеніяхъ вредно, и потому поручаетъ спросить его мнѣніе на этотъ счетъ.—Воронцовъ отвѣтилъ, что совершенно согласенъ съ Высочайшимъ опредѣленіемъ и вполнѣ убѣжденъ, что Пушкину нужно больше уединенія для собственной его пользы.

Вотъ копія съ отрывка изъ письма Пушкина, которое въ полномъ составѣ его мнѣ неизвѣстно:

«Читая Шекспира и библію, святой духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира. Ты хочешь узнать, что я дѣлаю?—пишу пестрыя строфы романтической поэмы и беру уроки чистаго атеизма. Здѣсь англичанинъ, глухой философъ, единственный умный атей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ исписалъ листовъ тысячу, чтобы доказать: qu'il ne peut exister d'être intelligent créateur et régulateur, мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія *души.*—Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но къ несчастью болѣе всего правдоподобная».

Изъ дѣла видно, что Пушкина, по назначенному маршруту, черезъ Николаевъ, Елисаветградъ, Кременчугъ, Черниговъ и Витебскъ отправили изъ Одессы 30 іюля 1824 года, давъ подписку нигдѣ не останавливаться на пути по своему произволу и, по прибытіи въ Псковъ, явиться къ гр. губернатору.

9-го августа того же года, Пушкинъ прибылъ въ имѣніе отца своего с. с. Сергѣя Львовича Пушкина, состоящее въ Опочковскомъ уѣздѣ.

II. Прилагаю переписку, которая свидѣтельствуетъ о всей чернотѣ этого дѣла.

Два анонимные пасквиля, полученные Пушкинымъ по городской почтѣ.

Les grands-croix, commandeurs et chevaliers du Générissim— ordre des cocus, réunis en grand chapitre sous la présidence du

grand Maître de L'ordre Son Excellence D. L. Narichkine, ont nommé a l'unanimité M-r A. S. Pouchkine coadjuteur du grand-Maître de l'ordre des cocus et historiographe de l'ordre.

Le Secretaire perpétuel J. Borg.

Второй пасквиль совершенно такого же содержанія подъ тѣмъ же адресомъ, только написано другой рукой.

Письмо Пушкина, которое, какъ видно, было адресовано графу Бенкендорфу.

Monsieur le Comte

Je suis en droit et me crois obligé de faire part à Votre Excellence de ce qui vient de se passer dans ma famille.

Le matin du 4 Novembre, j'ai reçu trois exemplaires d'une lettre outragente pour mon honneur et celui de ma femme.

A la vue du papier, au style de la lettre, à la manière dont elle était rédigée, je reconnus dès le premier moment, qu'elle était d'un étranger, d'un homme de la haute société, d'un diplomate. J'allais aux recherches. J' appris que 7 ou 8 personnes avaient reçu le même jour un éxemplaire de la même lettre, cachetée et adressée à mon adresse, sous double enveloppe. La plupart des personnes qui les avaient reçues, soupçonnant une infamie, ne les envoyèrent pas. On fut en general indigné d'une injure aussi lache et aussi gratuite. Mais tout en répétant que la conduite de ma femme était irréprochable on disait que le prétexte de cette infamie était la cour assidue que lui faisait M-r d'Antès. Il ne me convenait

pas de voir le nom de ma femme accoté en cette occasion avec le nom de qui que ce soit. Je le fis dire à M-r d'Antès. Le Baron d'Hekern vint chez moi et accepta un duel pour M-r d'Antès en me demandant un délai de 15 jours. Il se trouva que dans l'intervalle accordé, M-r d'Antès devint amoureux de ma belle-soeur, M-lle Gontcharoff, et qu'il la demanda en mariage. Le bruit public m'en ayant instruit, je fis demander à M-r d'Archiac (second de M-r d'Antès) que ma provocation fut regardée comme non-avenue.

En attendant je m'assurai que la lettre anonyme était de M-r d'Hekern, ce dont je crois de mon devoir d'avertir le gouvernement et la société. Etant seul juge et gardien de mon honneur et de celui de ma femme et pas conséquent ne demandant ni justice ni vengeance, je ne peux ni ne veux livrer à qui ce soit les preuves de ce que j'avance. En tout cas, j'espére, M-r le Comte, que cette lettre est une preuve de respect et de confiance que je porte à votre personne.

C'est avec ces sentiments que...

A. Pouchkine

21 Novembre 1836.

Письмо Пушкина къ барону Гекерну.

Monsieur le Baron,

Permettez moi de faire le résumé de ce qui vient de se passer. La conduite de M-r votre fils m'était connue depuis longtemps et ne pouvait m'être indifférente, sauf à intervenir lorsque je le jugerai à propos. Un accident qui dans tout

autre moment m'eut été désagréable, vient fort heureusement me tirer d'affaire. Je reçus les lettres anonymes. Je vis que le moment d'agir était venu et j'en profitai. Vous savez le reste. Je fis jouer a M-r votre fils un rôle si pitoyable que ma femme, étonnée de tant de platitude, ne put s'empêcher de rire et que peut-être l'émotion qu'elle avait ressentie pour cette sublime passion s'éteignit dans le mépris le plus calme et le mieux mérité. Vous me permetrez de dire, M-r le Baron, que votre rôle à vous dans toute cette affaire n'a pas été des plus convenables. Vous—représentant d'une tête couronnée, vous avez été paternellement le maquereau de votre bâtard ou soi-disant tel.—Toute sa conduite (assez maladroite d'ailleus) a été probablement dirigée par vous: c'est vous probablement qui lui dictiez les pauvretés qu'il venait débiter et les niaiseries qu'il s'est mêlé d'écrire. Semblable à une obscène vieille, vous alliez guetter ma femme dans tous les coins, pour lui parler de l'amour de votre fils, et lorsque, malade de vérole, il était retenu chez lui par les remèdes, vous lui disiez qu'il se mourait d'amour pour elle, vous lui marmottiez: «rendez moi mon fils!»—Vous sentez bien, qu' après tout cela je ne pourrais souffrir qu'il y eût des relations entre ma famille et la vôtre. C'était à cette condition que j'avais consenti a ne pas donner suite à cette sale affaire et ne pas vous déshonorer aux yeux de votre Cour et de la nôtre, comme je l'en avais le pouvoir et l'intention. Je ne me soucie pas que ma femme écoute encore vos exhortations paternelles. Je ne puis permettre que M-r votre fils, après l'abjecte conduite qu'il a tenue, ose encore lui adresser la parole, encore moins lui fasse la cour et débite les calambours des corps de

garde, tout en jouant le dévouement et la passion malheureuse, tandis qu'il n'est qu'un pleûtre et un chenapan.—

Je suis obligé de vous prier, M-r le Baron, de faire cesser tout ce manège, si vous tenez à éviter un nouveau scandale, devant lequel, certes, je ne reculerai pas.—

J'ai l'honneur d'être

A. Pouchkine.

Письмо барона Гекерна къ А. С. Пушкину.

Monsieur,

Ne connaissant ni votre écriture, ni votre signature, j'ai recours à M-r le vicomte d'Archiak qui vous remettra la présente, pour constater que la lettre à laquelle je réponds, vient de vous. Son contenu est tellement hors de toutes les bornes du possible, que je refuse de répondre à tous les détails de cette épître. Vous paraissez avoir oublié, Monsieur, que c'est vous qui vous êtes dédit de la provocation que vous aviez fait adresser au Baron Georges d'Hekern et qui avait été acceptée par lui. La preuve de ce que j'avance ici était écrite de votre main et est restée entre les mains des seconds. Il ne me reste que vous prévenir, que M-r le vicomte d'Archiak se rend chez vous pour convenir avec vous du lieu où vous vous rencontrerez avec le baron Georges d'Hekern, et vous prevenir que cette rencontre ne souffre aucun délai.

Je saurai plus tard, Monsieur, vous faire apprecier les

respects dusau caractere dont je suis revêtu et qu'aucune démarche de votre part ne saurait atteindre.

Je suis, Monsieur, votre très humble serviteur

Le Baron d'Hekern.

Lu et approuvé par moi

Le Baron G. d'Hekern.

Три записки д'Аршіака.

Je soussigné informe M-r de Pouchkine qu'il attendra chez lui jusqu'à 11 heures du soir, et après cette heure au bal de la Princese Rasoumovsky la personne qui sera chargée de traiter l'affaire qui doit se terminer demain. En attendant il offre à M-r de Pouchkine l'assurance etc.

Le vicomte d'Archiak.

Mardi 26 Janvier 1837.

Monsieur,

J'insiste encore ce matin sur la demande que j'ai eu l'honneur de vous faire hier soir. Il m'est indispensable que je m'abouche avec le témoin que vous avez choisi et cela dans le plus bref délai possible. Jusqu'à midi je resterai dans mon appartement; j'éspère avant cette heure rēcevoir la personne que vous voudrez bien m'envoyer.

Agréez, Monsieur

Le v. d'Archiak.

27 Janvier 1837.

Monsieur,

Ayant attaqué l'honneur du Baron G. d'Hekern vous lui devez réparation. C'ést à vous à produire votre témoin. Il ne peut être question de vous en fournir. Prêt de son coté de se rendre sur le terrain, le Baron G. d'Hekern vous presse de vous mettre en règle. Tout retard serait considéré par lui comme un refus de la satisfaction qui lui est due, et en ébruitant cette affaire vous l'empêcheriez de la terminer. L'entrevue entre les temoins indispensable avant la rencontre deviendrait, si vous le refusiez une des conditions du Baron G. d'Hekern. Vous m'avez dit hier et écrit aujourd'hui que vous les acceptiez toutes.

Recevez Monsieur...

Le vicomte d'Archiac.

Визитная карточка д'Аршіака, на которой написано было слѣдующее:

Je prie M-r de Pouchkine de me faire l'honneur de me dire s'il peut me recevoir, ou s'il ne peut maintenant à quelle heure ce sera possible.

Виконту д'Аршіаку отъ А. С. Пушкина.

Je ne me soucie nullement de mettre les oisifs de Pétersbourg dans la confidence de mes affaires de famille, je me refuse donc à tous pour parler entre seconds; je n'amènerai le mien que sur la place du rendez-vous. Comme c'est M-r Hekern qui me provoque et qui est offensé, il peut m'en choisir un

si cela lui convient,—je l'accepte d'avance, quand ce ne serait que son chasseur, quant à l'heure, au lieu je suis tout-à-fait a ses ordres. D'après nos habitudes à nous autres Russes, cela suffit. Je vous prie de croire, M-r le vicomte, que c'est mon dernier mot et que je n'ai rien de plus à répondre à rien de ce qui concerne cette affaire et je ne bouge plus que pour aller sur place...

Veuillez accepter

A. Pouchkine.

Князю Вяземскому отъ В. д'Аршіака.

Mon prince.

Nous avez désiré connaître avec éxactitude les détails de la triste affaire dont M-r Danzas et moi avons été témoins.

Je vais vous les exposer et vous prie de les faire approuver et signer par M-r Danzas. C'est à $4^1/_2$ heures que nous sommes arrivés au lieu du rendez-vous; le vent très violent qu'il faisait en ce moment nous força de chercher un abri dans un petit bois de sapins. La grande quantité de neige pouvait geêner les adversaires, il fallut leur creuser un sillon de 20 pas, aux deux manteaux. Un pistolet remis a chacun de ces Messieurs, le colonel Danzas donne le signal en levant son chapeau. M-r Pouchkine était à la barrière presque aussitôt. Le Baron d'Hekern avait fait quatre pas de cinq qui le séparaient de la sienne. Les deux adversaires s'apprêtèrent à tirer. Après quelques instants un coup partit. M-r Pouchkine était blessé, il le dit lui-même — tomba sur le manteau qui faisait la

barrière et resta immobile contre terre. Les témoins s'appro chèrent; il se leva sur son séant et dit: «Attendez!..» L'arme qu'il tenait à la main se trouvant couverte de neige il en prit une autre. J'avais pu établir une réclamation—un signe du B. G. d'Hekern m'empêcha. M-r Pouchkine la main gauche appuyée sur la terre, visa d'une main ferme, le coup partit. Immobile depuis qu'il avait tiré, le Baron G. Hekernfut blessé; il tomba de son côté. La blessure de M-r Pouchkine étant trop grave pour continuer, l'affaire était terminée. Retombé, après avoir tiré, il eut presque immédiatement deux ivanouéssements, il perdit tout-à-fait connaissance et ne la retrouva plus. Placé sur un traîneau, fortement secoué pendant un trajet de plus d'une demi-verste, sur un chemin fort mauvais, il souffrit sans se plaindre. Le Baron d'Hekern avait pu, soutenu par moi, regagner son traîneau, où il avait attendu que le transport de son adversaire fut effectué et que je puisse l'accompagner à Pétersbourg. Pendant toute cette affaire le calme, le sang-froid, la dignité des deux parties ont été parfaits.

Le vicomte d'Archiak.

1 Février 1837.

Князю Вяземскому отъ Данзаса.

Милостивый Государь

Князь Петръ Андреевичъ

Письмо къ вамъ отъ д'Аршіака относительно происшествія, которому я былъ свидѣтелемъ, я читалъ. Д'Аршіакъ проситъ Васъ предложить мнѣ засвидѣтельствовать показанія его о семъ

предметѣ. Истина требуетъ чтобы я не пропустилъ безъ замѣчанія нѣкоторыя невѣрности въ его разсказѣ. Г. д'Аршіакъ объяснивъ, что первый выстрѣлъ былъ со стороны Г. Гекерна, что А. С. Пушкинъ, раненый, упалъ, продолжаетъ: «les témoins s'approchèrent, il se releva sur son séant et dit: «Attendez!..»; l'arme qu'il tenait à la main se trouvant couverte de neige, il prit une autre. J'avais pu établir une reclamation, un signe du B. G. d'Hekern m'empêcha». Слова А. С. Пушкина, когда онъ поднялся опершись рукой были слѣдующія: «Attendez, je me sens assez de force pour tirer mon coup». Тогда дѣйствительно я подалъ ему пистолетъ, въ обмѣнъ того, который былъ у него въ рукѣ и въ стволѣ котораго набился снѣгъ при паденіи раненаго. Но я не могу оставить безъ возраженія замѣчанія д'Аршіака, будто бы онъ имѣлъ право оспаривать обмѣнъ пистолета и былъ удержанъ въ томъ знакомъ Г. Гекерна. Обмѣнъ пистолета не могъ подать повода, во время поединка ни къ какому спору. По условію, каждый изъ противниковъ имѣлъ право выстрѣлить, пистолеты были съ пистонами, слѣдовательно осѣчки быть не могло; снѣгъ, забившійся въ дуло пистолета Александра Сергѣевича, усилилъ бы только ударъ выстрѣла, а не отразилъ бы его. Никакого знака ни со стороны Г. д'Аршіака, ни со стороны Г. Гекерна дано не было. Что до меня касается, то я почитаю оскорбительнымъ для памяти Пушкина предположеніе будто онъ стрѣлялъ въ противника съ преимуществомъ, на которое не имѣлъ права. Еще разъ повторяю, что никакого сомнѣнія противъ правильности обмѣна пистолета сказано не было; еслибъ оно могло возродиться, то Г. д'Аршіакъ обязанъ былъ объявить возра-

женіе и не останавливать знакомъ, будто отъ Г. Гекерна поданнымъ. Къ тому же сей послѣдній не иначе могъ бы узнать намѣреніе д'Аршіака, какъ тогда, когда бы оно было выражено словами, но онъ ихъ не произносилъ. Я отдаю полную справедливость бодрости духа, показанной во время поединка Г. Гекерномъ, но рѣшительно отвергаю, чтобы онъ произвольно подвергался опасности, которую могъ бы отъ себя отстранить. Не отъ него зависѣло уклониться отъ удара своего противника, послѣ того какъ онъ свой нанесъ. Ради истины разсказа прибавлю также замѣчаніе на это выраженіе: «immobile depuis qu'il avait tiré, le Baron G. d'Hekern était blessé et tomba de son coté».—Противники шли другъ на друга грудью. Когда Пушкинъ упалъ, тогда Г. Гекернъ сдѣлалъ движеніе чтобы подойдти къ нему; послѣ словъ Пушкина что онъ хотѣлъ стрѣлять, онъ возвратился на свое мѣсто, сталъ бокомъ и прикрылъ грудь свою правою рукою. По всѣмъ другимъ обстоятельствамъ я свидѣтельствую справедливость показаній Г. д'Аршіака.

Съ совершеннымъ и пр.

К. Данзасъ.

Князь П. А. Вяземскій въ письмѣ своемъ къ Александру Яковлевичу Булгакову пишетъ, что Пушкинъ за часъ до поединка говорилъ Г. дАршіаку: «Il y a deux espèces de cocus: ceux qui le sont de fait savent à quoi s'en tenir; le cas de ceux qui le sont par la grâce du public est bien plus embarassant, et c'est le mien».—

Воспоминаніе объ И. И. Пущинѣ.

1853 г. я познакомился съ Иваномъ Ивановичемъ Пущинымъ, жившимъ въ то время въ г. Ялуторовскѣ. Имя Пущина было давно мнѣ извѣстно изъ стихотвореній Пушкина. Нѣкоторые разсказы лицъ, знавшихъ его до его ссылки, вызывали во мнѣ глубокое къ нему сочувствіе: личное знакомство съ этимъ «первымъ другомъ» великаго поэта еще болѣе усилило то чувство уваженія, которое я имѣлъ къ нему ранѣе. Онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Когда я съ нимъ познакомился, ему было 55 лѣтъ, но онъ сохранилъ и твердость своихъ молодыхъ убѣжденій и такую теплоту чувствъ, какая встрѣчается рѣдко въ пожиломъ человѣкѣ. Его демократическія понятія вошли въ его плоть и кровь: въ какое бы положеніе его ни ставили обстоятельства, съ какими бы людьми ни сталкивала его судьба, онъ былъ всегда вѣренъ самому себѣ, всегда былъ одинаковъ со всѣми. Люди самыхъ противоположныхъ съ нимъ убѣжденій относились къ нему съ глубокимъ уваженіемъ.

Сблизиться съ такимъ человѣкомъ мнѣ было тѣмъ болѣе легко, что онъ былъ очень друженъ съ моимъ отцемъ. Съ перваго же дня знакомства, между мною и имъ установилась тѣсная связь, непрерывавшаяся до самой его смерти. Во время пребыванія моего въ Ялуторовскѣ я видѣлся съ нимъ каждый день. Большой интересъ для меня представляли его разсказы, особенно о его лицейской жизни и объ отношеніяхъ его къ А. С. Пушкину. Часть этихъ разсказовъ я записалъ тогда-же, но эта краткая запись казалась мнѣ очень блѣдной, въ сравненіи съ живою рѣчью Пущина, поэтому я не одинъ разъ просилъ его написать его воспоминанія о Пушкинѣ. Онъ долго отказывался, увѣряя, что воспоминанія его ни для кого не будутъ интересны и что, кромѣ того, онъ не умѣетъ писать. «Правда, сказалъ онъ мнѣ, Пушкинъ увѣрялъ, что у меня большой литературный талантъ, но къ счастью я ему не повѣрилъ, потому что, дѣйствительно, не умѣю писать». Послѣ долгихъ моихъ убѣжденій, онъ наконецъ далъ мнѣ слово исполнить мою просьбу. Уже по возвращеніи изъ ссылки, въ 1858 г. онъ привезъ мнѣ свои записки о великомъ поэтѣ. Онѣ были напечатаны мною, хотя далеко не вполнѣ, въ журналѣ «Атеней» 1859 г.

Слѣдующій очеркъ жизни Пущина, составленъ мною на основаніи разсказовъ какъ его, такъ и его товарищей по ссылкѣ, а также на основаніи его записокъ, заключающихъ въ себѣ нѣкоторый и автобіографическій матеріалъ.

Пущинъ родился 4 мая 1798 г. Въ августѣ мѣсяцѣ 1811 г., дѣдъ его, адмиралъ Пущинъ отвезъ его къ министру народнаго просвѣщенія, графу Разумовскому, въ присутствіи кото-

раго мальчики, записанные кандидатами въ Лицей, должны были держать экзаменъ. Здѣсь Пущинъ увидѣлъ въ первый разъ своего будущаго товарища, Пушкина, съ которымъ онъ тутъ же и познакомился. По поступленіи въ Лицей Пушкинъ всего ближе сошелся съ Пущинымъ, отличавшимся и въ молодости большимъ тактомъ. Сближенію друзей содѣйствовало и то, что они были сосѣдями по отведеннымъ имъ комнатамъ. Часто ночью, когда всѣ уже засыпали, Пущинъ, въ полголоса черезъ перегородку, толковалъ съ Пушкинымъ о какомъ нибудь вздорномъ случаѣ того дня, его волновавшимъ... Скоро между ними установилась та горячая дружба, о которой не разъ упоминаетъ Пушкинъ въ своихъ стихотвореніяхъ.

По выходѣ изъ Лицея, въ 1817 г. Пущинъ поступилъ въ гвардейскую конную артиллерію и 29 октября того-же года былъ произведенъ въ офицеры. Еще въ лицейскомъ мундирѣ онъ началъ часто посѣщать кружокъ знакомыхъ, состоявшій изъ Муравьевыхъ (Александра и Михайлы), Бурцева, Павла Колошина и Семенова. Постоянныя бесѣды объ общественныхъ вопросахъ сблизили Пущина съ этимъ кружкомъ членовъ тайнаго общества, въ которое онъ и былъ вскорѣ принятъ Бурцевымъ. Вступленіе въ тайное общество имѣло сильное вліяніе на Пущина. «Я, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, какъ будто вдругъ получилъ особенное значеніе въ собственныхъ своихъ глазахъ, сталъ внимательнѣе смотрѣть на жизнь, во всѣхъ проявленіяхъ буйной молодости наблюдалъ за собой, какъ за частицей, хотя ничего не значущей, но входящей въ составъ того цѣлаго, которое рано или поздно должно имѣть благотворное свое дѣйствіе».

Первою мыслью Пущина, по вступленіи въ тайное общество, было открыться Пушкину, раздѣлявшему его политическія убѣжденія, но Пушкина не было въ это время въ Петербургѣ. Впослѣдствіи онъ не рѣшился уже ввѣрить ему тайну, такъ какъ малѣйшая неосторожность могла быть пагубна для дѣла. Его пугала и пылкость поэта и сближеніе его съ ненадежными людьми. Пушкинъ, увидя своего друга, послѣ первой съ нимъ разлуки, замѣтилъ въ немъ нѣкоторую перемѣну и началъ подозрѣвать, что онъ что-то отъ него скрываетъ. Онъ затруднялъ Пущина своими распросами, но тотъ ничего ему не открылъ. «Самое сильное нападеніе Пушкина на меня, по поводу общества, говоритъ Пущинъ въ своихъ запискахъ, было когда онъ встрѣтился со мной у Н. И. Тургенева, гдѣ тогда собирались всѣ, желавшіе участвовать въ предполагаемомъ изданіи политическаго журнала. Тутъ, между прочими, былъ Куницынъ и нашъ лицейскій товарищъ Масловъ. Мы сидѣли вокругъ большого стола. Масловъ читалъ статью свою о статистикѣ. Въ это время я слышу, что кто-то сзади беретъ меня за плечо. Оглядываюсь—Пушкинъ. «Ты что здѣсь дѣлаешь? Наконецъ поймалъ тебя на самомъ дѣлѣ» шепнулъ онъ мнѣ на ухо и прошелъ дальше. Кончилось чтеніе. Мы встали. Подхожу къ Пушкину, здороваюсь съ нимъ. Подали чай, мы закурили сигарки и сѣли въ уголокъ. «Какъ же ты, сказалъ Пушкинъ, мнѣ никогда не говорилъ, что знакомъ съ Николаемъ Ивановичемъ? Вѣрно это ваше общество въ сборѣ? Я совершенно случайно зашелъ сюда, гуляя въ Лѣтнемъ саду. Пожалуйста не секретничай; право, любезный другъ, это ни на что не похоже!» На этотъ разъ Пущину легко было доказать, что

это совсѣмъ не собраніе общества и что онъ самъ пришелъ къ Тургеневу неожиданно.

Въ январѣ 1820 года, Пущинъ долженъ былъ уѣхать въ Бессарабію къ больной своей сестрѣ. Возвратясь въ маѣ въ Петербургъ онъ не засталъ уже тамъ Пушкина, высланнаго изъ столицы за его вольныя стихотворенія и командированнаго отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ къ генералу Инзову, начальнику колоній южнаго края.

Около 1823 года Пущинъ познакомился съ Рылѣевымъ и принялъ его въ тайное общество, прямо въ члены верховной думы. Рылѣевъ относился къ Пущину съ глубокимъ уваженіемъ; въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей онъ говоритъ: «спасибо, что полюбилъ Пущина, я еще отъ этого ближе къ тебѣ. Кто любитъ Пущина, тотъ непремѣнно самъ рѣдкій человѣкъ».

Въ 1823 году, однажды во дворцѣ, на выходѣ, В. К. Михаилъ Павловичъ очень рѣзко замѣтилъ Пущину, что у того не по формѣ былъ повязанъ темлякъ на саблѣ. Пущинъ тотчасъ же подалъ прошеніе объ отставкѣ. Желая показать, что въ службѣ государству нѣтъ обязанности, которую можно бы было считать унизительною, онъ хотѣлъ занять одну изъ низшихъ полицейскихъ должностей—должность квартальнаго надзирателя. Своимъ примѣромъ онъ хотѣлъ доказать, какимъ уваженіемъ можетъ и должна пользоваться та должность, къ которой общество относилось въ то время съ крайнимъ презрѣніемъ. Намѣреніе Пущина возмутило его родныхъ. Сестра его, на колѣняхъ, въ слезахъ, умоляла его отказаться отъ мысли занять полицейскую должность; онъ уступилъ ея просьбамъ и

выйдя въ отставку, поступилъ сверхштатнымъ членомъ въ петербургскую палату, уголовнаго суда, гдѣ въ то время служилъ и Рылѣевъ.

Въ 1824 году, Пущинъ перешелъ на службу въ Москву, судьей въ уголовный департаментъ надворнаго суда. Служба въ надворномъ судѣ бывшаго гвардейскаго офицера, образованнаго человѣка, съ обезпеченнымъ состояніемъ и съ большими связями, имѣла въ то время свое значеніе. Князь Н. Б. Юсуповъ видя, на балѣ у московскаго генералъ губернатора, князя Голицына, неизвѣстное ему лицо, танцующее съ его дочерью, спросилъ Зубкова, кто этотъ молодой человѣкъ. Зубковъ отвѣтилъ, что это надворный судья Пущинъ. «Какъ, сказалъ кн. Юсуповъ, надворный судья танцуетъ съ дочерью генералъ-губернатора? Это вещь небывалая, тутъ кроется, что-нибудь необыкновенное!».

Пущинъ, человѣкъ крайне скромный, ни слова не говоритъ въ своихъ запискахъ о своей судебной дѣятельности, между тѣмъ она гораздо болѣе удивила современниковъ, чѣмъ присутствіе его на генералъ-губернаторскомъ балѣ. Особенное вниманіе общества обратило на себя рѣшеніе надворнаго суда по дѣлу извѣстнаго любителя музыки и композитора Алябьева, обвинявшагося въ совершеніи убійства. Сначала, чтобы замять это дѣло, потомъ, чтобы добиться оправдательнаго приговора, были пущены въ ходъ и подкупъ и усиленныя просьбы и горячее вмѣшательство вліятельныхъ лицъ. Но ничто не помогло; въ дѣлѣ были несомнѣнныя доказательства виновности Алябьева; и Пущинъ, послѣ долгой, упорной борьбы, настоялъ на обвинительномъ приговорѣ. На это рѣшеніе смотрѣли какъ на граж-

данскій подвигъ, и Пушкинъ имѣлъ полное право сказать своему другу:

«Ты освятилъ тобой избранный санъ,
Ему въ глазахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтеніе гражданъ».

Когда, въ концѣ 1824 года, Пущинъ узналъ, что Пушкинъ изъ Одессы сосланъ на безвыѣздное жительство въ псковскую деревню его отца, то онъ рѣшился непремѣнно навѣстить его и для этого взялъ отпускъ на 28 дней. Передъ отъѣздомъ, на вечерѣ у генералъ-губернатора, кн. Голицына, онъ встрѣтилъ А. И. Тургенева и спросилъ его, не имѣетъ-ли онъ какихъ нибудь порученій къ Пушкину, такъ какъ онъ будетъ у него въ январѣ. «Какъ вы хотите къ нему ѣхать, сказалъ Тургеневъ, развѣ не знаете, что онъ подъ двойнымъ надзоромъ и политическимъ и духовнымъ».—«Все это я знаю, отвѣчалъ Пущинъ, но знаю тоже, что нельзя не навѣстить друга, послѣ пятилѣтней разлуки, въ теперешнемъ его положеніи, особенно когда буду отъ него съ небольшимъ въ ста верстахъ».—«Не совѣтовалъ бы. Впрочемъ, дѣлайте, какъ знаете», прибавилъ Тургеневъ. Почти такія же предостереженія высказалъ и дядя поэта В. Л. Пушкинъ.

Проведя праздники у отца, въ Петербургѣ, Пущинъ, послѣ Крещенья, поѣхалъ къ сестрѣ въ Псковъ и оттуда въ Михайловское. Недалеко уже отъ усадьбы лошади понесли и вдругъ, послѣ крутого поворота, неожиданно вломились смаху въ притворенные ворота, при громѣ колокольчика. Остановить лошадей у крылца не было силы, они протащили мимо и засѣли въ снѣгу не расчищеннаго двора.

«Я оглядываюсь, пишетъ въ своихъ запискахъ Пущинъ, вижу на крыльцѣ Пушкина, босикомъ, въ одной рубашкѣ, съ поднятыми вверхъ руками. Не нужно говорить, что тогда со мной происходило. Выскакиваю изъ саней, беру его въ охабку и тащу въ комнату. Смотримъ другъ на друга, цѣлуемся, молчимъ! Онъ забылъ, что надо прикрыть наготу, я не подумалъ о заиндевѣвшей шубѣ и шапкѣ. Было около 8 часовъ утра. Не знаю, что дѣлалось. Прибѣжавшая старуха застала насъ въ объятіяхъ другъ друга, въ томъ самомъ видѣ, какъ мы попали въдомъ: одинъ почти голый, другой—весь забросанный снѣгомъ. Наконецъ пробила слеза, (она и теперь черезъ 33 года мѣшаетъ писать въ очкахъ), мы очнулись. Совѣстно стало передъ этой женщиной; впрочемъ она все поняла. Не знаю за кого она приняла меня, только ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчасъ догадался, что это добрая его няня, столько разъ имъ воспѣтая, и чуть не задушилъ ее въ объятіяхъ». Послѣ первыхъ волненій свиданія началась живая бесѣда между друзьями; каждому изъ нихъ надо было о многомъ разспросить и многое разсказать. Изъ словъ Пушкина можно было заключить, что ему, какъ будто, наскучила прежняя шумная жизнь. Онъ заставилъ Пущина разсказать о всѣхъ лицейскихъ товарищахъ и потребовалъ объясненія, какимъ образомъ онъ изъ артиллериста преобразился въ судью. Объясненія его друга были ему по сердцу, онъ гордился имъ и за него. «Незамѣтно коснулись опять, разсказываетъ Пущинъ, подозрѣній на счетъ Общества. Когда я ему сказалъ, что не я одинъ поступилъ въ это новое служеніе отечеству, то онъ вскочилъ со стула и вскрикнулъ: «Вѣрно все это въ связи съ

маіоромъ Раевскимъ, котораго пятый годъ держатъ въ Тирас-польской крѣпости и ничего не могутъ выпытать». Потомъ, успокоившись, продолжалъ: «впрочемъ я не заставлю тебя, любезный Пущинъ, говорить. Можетъ быть, ты и правъ, что мнѣ не довѣряешь. Вѣрно я этого довѣрія не стою, по многимъ моимъ глупостямъ». Молча, я крѣпко расцѣловалъ его, мы обнялись и пошли ходить; обоимъ нужно было вздохнуть».

Пущинъ привезъ Пушкину въ подарокъ «Горе отъ ума». Пушкинъ былъ очень доволенъ этой тогда рукописной комедіей, до того ему почти вовсе неизвѣстной. Послѣ обѣда, за чашкой кофею, онъ началъ читать ее вслухъ. Среди этого чтенія кто-то подъѣхалъ къ крыльцу; Пушкинъ выглянулъ въ окно, какъ будто смутился и торопливо раскрылъ лежавшую на столѣ Четьи-Минею. Пущинъ спросилъ, что это значитъ? Прежде чѣмъ онъ могъ получить отвѣтъ, въ комнату вошелъ низенькій, рыжеватый монахъ и рекомендовался Пущину настоятелемъ сосѣдняго монастыря. Пушкинъ попросилъ его сѣсть. Монахъ сталъ извиняться, что можетъ быть, помѣшалъ, потомъ сказалъ, что, узнавши фамилію пріѣхавшаго, онъ ожидалъ найти знакомаго ему П. С. Пущина, котораго очень давно не видалъ. Завязался разговоръ, подали чай. Монахъ выпилъ два стакана чаю съ ромомъ и началъ прощаться, извиняясь, что прервалъ товарищескую бесѣду.

Пущину было неловко за Пушкина, который, какъ школьникъ, присмирѣлъ при появленіи настоятеля. Онъ высказалъ ему свою досаду, что накликалъ это посѣщеніе: «перестань, любезный другъ, сказалъ Пушкинъ, вѣдь онъ и безъ того бываетъ у меня, я порученъ его наблюденію. Что говорить объ

этомъ вздорѣ». И затѣмъ, онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ читать комедію. Поздно ночью Пущинъ выѣхалъ изъ Михайловскаго. Это было послѣднее свиданіе его съ Пушкинымъ, самымъ близкимъ ему изъ его друзей.

Пущинъ, 8 декабря 1825 года, пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ. Онъ присутствовалъ на послѣднихъ совѣщаніяхъ членовъ тайнаго общества и 14 декабря былъ на Сенатской площади, гдѣ собрались заговорщики и возмущенныя ими войска. Когда возстаніе было подавлено, Пущинъ однимъ изъ послѣднихъ ушелъ съ площади, въ шинели, пробитой во многихъ мѣстахъ картечью.

Рано утромъ, 15 декабря, къ нему пріѣхалъ его лицейскій товарищъ князь Горчаковъ. Онъ привезъ ему заграничный паспортъ и умолялъ его ѣхать немедленно за границу, обѣщаясь доставить его на иностранный корабль, готовый къ отплытію. Пущинъ не согласился уѣхать; онъ считалъ постыднымъ избавиться бѣгствомъ отъ той участи, которая ожидаетъ другихъ членовъ тайнаго общества: дѣйствуя съ ними вмѣстѣ, онъ хотѣлъ раздѣлить и ихъ судьбу. Въ то-же утро заѣхалъ къ Пущину кн. П. А. Вяземскій и спросилъ его: не можетъ-ли онъ быть ему чѣмъ нибудь полезенъ. Пущинъ просилъ его взять на сохраненіе портфель съ бумагами; въ портфелѣ этомъ было нѣсколько стихотвореній Пушкина, Дельвига и Рылѣева, а также нѣсколько записокъ по разнымъ общественнымъ вопросамъ. Всѣ эти бумаги, если-бы онѣ и были взяты при обыскѣ, не могли служить къ отягченію участи Пущина; онъ потому только отдалъ ихъ кн. Вяземскому, что желалъ сохранить ихъ, такъ какъ они были связаны съ дорогими для него воспоминаніями. Князь

Вяземскій обѣщалъ сберечь этотъ портфель и возвратить его Пущину, при первомъ съ нимъ свиданіи. И дѣйствительно, въ 1857 году, въ первый-же день пріѣзда Пущина въ Петербургъ, кн. Вяземскій привезъ ему портфель, взятый имъ на сохраненіе 32 года тому назадъ.

15 декабря Пущинъ былъ арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Во время слѣдствія онъ не выдалъ никого изъ своихъ товарищей, и поэтому въ «Донесеніи слѣдственной коммиссіи» вовсе не встрѣчается ссылокъ на его показанія. Верховный уголовный судъ отнесъ его къ первому разряду государственныхъ преступниковъ и приговорилъ къ смертной казни отсѣченіемъ головы. Указомъ, даннымъ Верховному Суду 22 августа 1826 года, онъ Всемилостивѣйше освобожденъ отъ смертной казни, съ замѣною ея ссылкой въ вѣчныя каторжныя работы. Послѣ произнесенія приговора, Пущинъ былъ отвезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, откуда только черезъ полтора года былъ отправленъ въ Сибирь, въ каторжныя работы.

Въ первый день его пріѣзда въ Читу, 5 января 1828 г. Александра Григорьевна Муравьева вызвала его къ частоколу и отдала ему листокъ бумаги, на которомъ было написано:

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный,
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей

Даруетъ то-же утѣшенье,
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней!

Псковъ. 13 декабря 1826 г.

«Отрадно, пишетъ Пущинъ, отозвался во мнѣ голосъ Пушкина. Преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не могъ обнять его, какъ онъ меня обнималъ, когда я первый посѣтилъ его въ изгнаніи. Увы! я не могъ даже пожать руку той женщинѣ, которая такъ радостно спѣшила утѣшить меня воспоминаніемъ друга». «Наскоро, черезъ частоколъ, Александра Григорьевна проговорила мнѣ, что получила этотъ листокъ отъ одного своего знакомаго, передъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга, хранила его до свиданія со мной и рада, что могла наконецъ исполнить порученное поэтомъ».

Въ началѣ 1837 года, Пущинъ узналъ о дуэли и смерти Пушкина. «Вѣсть эта, пишетъ онъ, электрической искрой сообщилась въ тюрьмѣ; во всѣхъ кружкахъ только и рѣчи было о смерти Пушкина, объ общей нашей потерѣ». «Не стану бесѣдовать съ вами объ этомъ народномъ горѣ, тогда несказанно меня поразившемъ: оно слишкомъ тѣсно связано съ жгучими оскорбленіями, которыя невыразимо должны были отравлять послѣдніе мѣсяцы жизни Пушкина. Другимъ, лучше меня, далекаго, извѣстны гнусныя обстоятельства, породившія дуэль, съ своей стороны скажу только, что не могъ безъ особаго, отвращенія объ нихъ слышать, меня возмущали лица, дѣйствовавшія и подозрѣваемыя въ участіи по этому гадкому дѣлу подсѣкшему существованіе величайшаго изъ поэтовъ».

По освобожденіи отъ каторжныхъ работъ, Пущинъ, въ концѣ

1839 г., былъ посланъ на поселеніе въ Туринскъ. Сѣверный сибирскій климатъ вредно подѣйствовалъ на его здоровье; въ Туринскѣ онъ постоянно хворалъ. Поэтому, по его просьбѣ, онъ, въ 1843 г. былъ переведенъ въ Ялуторовскъ, городъ съ нѣсколько лучшими условіями для жизни. Здѣсь въ кругу нѣсколькихъ близкихъ ему товарищей по ссылкѣ, его время проходило въ частыхъ, откровенныхъ съ ними бесѣдахъ и въ чтеніи книгъ, въ которыхъ не было недостатка, такъ какъ жившіе въ Ялуторовскѣ декабристы получали всѣ сколько нибудь замѣчательныя литературныя произведенія. Кромѣ того онъ велъ обширную переписку съ родными, съ прежними петербургскими и московскими знакомыми и съ своими товарищами по ссылкѣ, разсѣянными по всей Сибири. Большой интересъ представляетъ его переписка съ бывшимъ директоромъ Царскосельскаго лицея, Е. А. Энгельгардомъ, который съ большою нѣжностью и глубокимъ уваженіемъ относился всегда къ своему бывшему воспитаннику. Изъ писемъ Пущина къ Энгельгарду можно видѣть какое настроеніе и какіе взгляды были у него во время ссылки. Такъ въ письмѣ отъ 26 февраля 1845 г. онъ говоритъ: «скоро минетъ двадцать лѣтъ сибирскимъ разнаго рода существованіямъ. Въ итогѣ, можетъ быть, окажется что-нибудь дѣльное: цѣль освящаетъ и облегчаетъ заточеніе и ссылку». «Горько слышать, что наше 19 октября пустѣетъ: видно и чугунное кольцо *) стирается временемъ. Трудная задача такъ устроить, чтобы оно не имѣло вліяніе на здѣшнее

*) Е. А. Энгельгардъ роздалъ чугунныя кольца воспитанникамъ лицея 1-го выпуска, въ знакъ прочности лицейскаго союза.

хорошее. Досадно мнѣ на нашихъ звѣздоносцевъ; кажется, можно-бы сбросить эти пустыя регаліи и явиться запросто въ свой прежній кругъ. Мысленно я часто въ вашемъ тѣсномъ кругу, съ прежними вѣрными воспоминаніями. У меня какъ-то они не старѣютъ».

По обнародованіи Всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 г. Пущинъ выѣхалъ изъ Ялуторовска сначала въ Москву, затѣмъ въ Петербургъ, гдѣ съ горячимъ сочувствіемъ былъ встрѣченъ своими лицейскими товарищами и прежними знакомыми. Онъ видѣлся тамъ съ К. Данзасомъ, который передалъ ему, что Пушкинъ во время своей послѣдней болѣзни сказалъ: «какъ жаль, что нѣтъ теперь ни Пущина, ни Малиновскаго».

Въ 1858 году Пущинъ женился на вдовѣ своего товарища по ссылкѣ, Н. Д. Фонвизиной, урожденной Апухтиной. Онъ поселился въ ея имѣніи, с. Марьинѣ, бронницкаго уѣзда, гдѣ и окончилъ начатыя еще въ Сибири свои записки о Пушкинѣ. Здоровье его все болѣе и болѣе приходило въ упадокъ. Пущинъ скончался 3 апрѣля 1859 года.

Сѣверный Край. Май, 1899. Е. Якушкинъ.

1
shchina o Pushkini
006370399
085 525 194